
ОГОНЁК
№ 26 ИЮНЬ 1954
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»



— Как чувствуешь себя в полете?
Полярный летчик Герой Советского Союза И. П. Мазурук с двухлетним Славиком Ермаковым. Славик родился на Диксоне, а сейчас летит к своей бабушке в Москву.

На первой странице обложки: Вот уже сорок лет живет и работает в Арктике охотник за морским зверем Г. М. Кузнецов.
Фото Я. Рюмкина.

На последней странице обложки: Алма-Ата. Площадь цветов.
Фото Я. Босина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 26 (1411) 27 июня 1954

32-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ВОЗДУШНЫЙ ПАРАД В МОСКВЕ

В минувшее воскресенье на Тушинском аэродроме в Москве состоялся воздушный парад. Сотни тысяч людей пришли полюбоваться замечательным мастерством летчиков, парашютистов, планеристов, могучей советской авиационной техникой. Парад явился ярким смотром новых достижений Воздушного Флота Советского Союза — великой авиационной державы.

Над аэродромом пролетает группа самолетов, образуя слова «Слава КПСС».

Фото А. Гостева и Е. Тиханова.



Товарищи **И. С. Конев, В. Д. Соколовский, Л. А. Говоров, П. Ф. Жигарев, Н. Г. Кузнецов, Г. К. Жуков, С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов, Н. А. Булганин, Г. М. Маленков, Н. С. Хрущев, Л. М. Каганович, А. И. Микоян, М. З. Сабуров, А. И. Кириченко, Н. М. Шверник, П. К. Пономаренко, М. А. Суслов, П. Н. Поспелов** на воздушном параде. Тушино, 20 июня 1954 года.

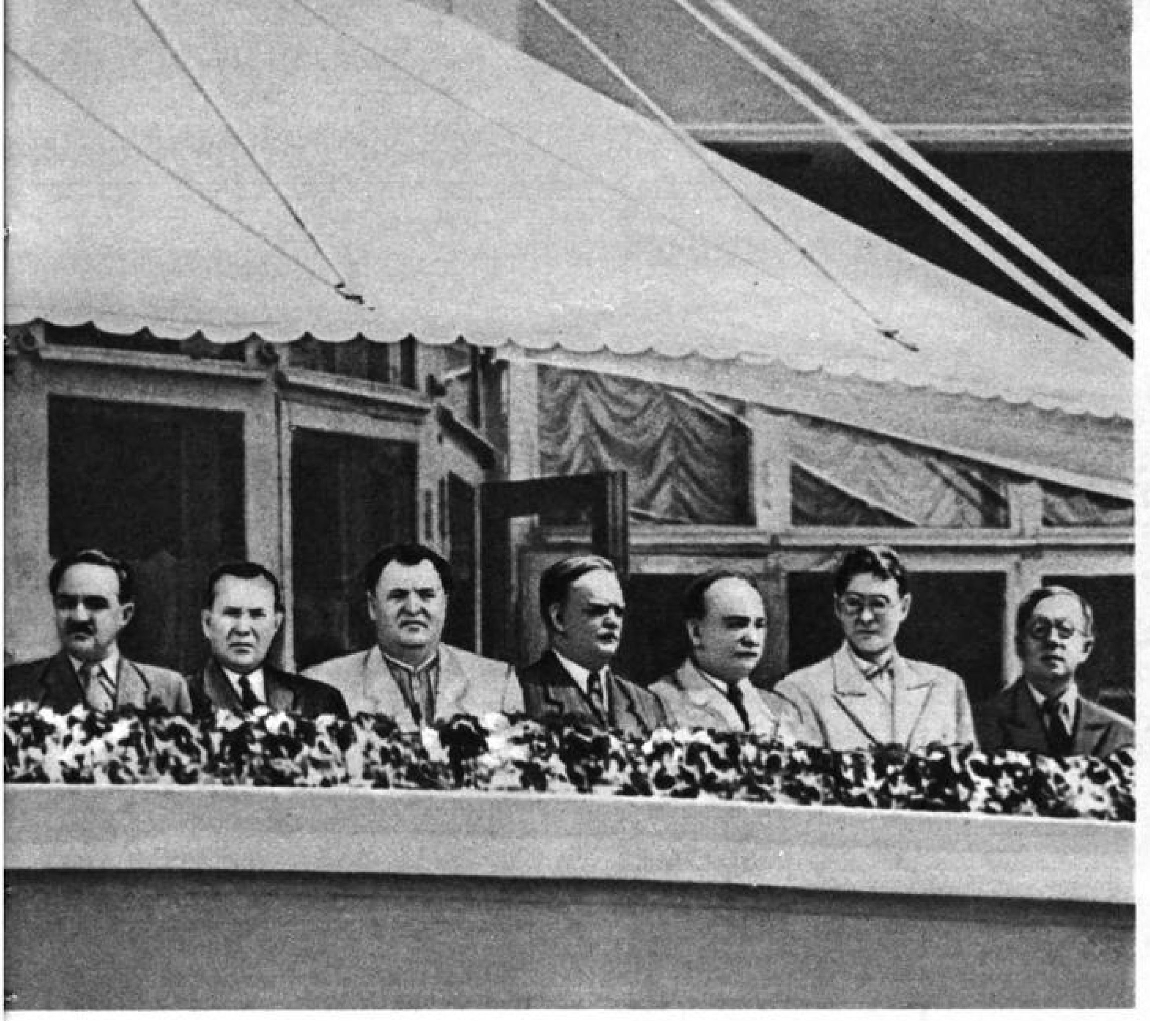
Фото Ф. Кислова.





Вертолеты приземлились на аэродроме. Они доставили автомобили-тягачи и пушки.

Слева: самолеты-знаменосцы открывают воздушный парад.







Перед началом парада состоялись выступления художественной самодеятельности.



Четким строем идут звенья реактивных истребителей.

В перерывах не мешает и подкрепиться...

Справа: праздник завершился массовым парашютным десантом.

Фото А. Гостева и Е. Тиханова.



У НАС В АРКТИ



С. МОРОЗОВ, Я. РЮМКИН.

Специальные корреспонденты «Огонька»

Небо заволакивают густые облака, колючая поземка слепит глаза, затрудняет дыхание. Плотно надвинув капюшон малицы, каюр понукает упряжку. Но собаки, предчувствуя скорую пургу, ложатся на снег. Мохнатые уроженцы крайних широт находят себе надежный приют под сугробами. Человеку придется труднее: долгие часы, а иногда и дни будет он пережидать снежную бурю. Лишь когда стихнет пурга, доберется он, обессиленный, до теплого жилья.

Таков Крайний Север — суровые места полунощного солнца, непогоды и вечных снегов, известные нам по книгам полярников, по рассказам Джека Лондона.

Но тебя, читатель, мы приглашаем в современную, советскую Арктику. Летом туда можно попасть на пароходе. Правда, полярная навигация коротка — три — четыре месяца в году. Зато круглый год по всей трассе Северного морского пути курсируют самолеты.

...Одна из далеких полярных станций. Отсюда до Москвы добрых три тысячи километров. Но мощный «ИЛ» покрывает это расстояние в считанные часы. Пролетев над тундрой, тайгой, над дрейфующими морскими льдами, он только что опустился рядом с поселком зимовщиков. Сейчас механики зачехлят моторы, из кабины выгрузят почту, посылки. В кают-компании полярной станции летчики будут рассказывать о том, что видели вчера в столице, а зимовщики с жадностью накинутся на свежие газеты и письма.

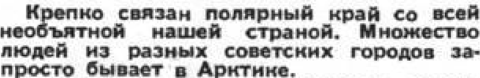












Крепко связан полярный край со всей необъятной нашей страной. Множество людей из разных советских городов запросто бывает в Арктике.

Арсений Николаевич Мальцев — конструктор метеорологических приборов — прибыл на остров Диксон в командировку из Свердловска. Его несколько удивило, когда к опустившемуся на льду самолету подъехала собачья упряжка.

Но уже по дороге в гостиницу, в поселке двухэтажных домов, он снова столкнулся с этим развитым в Арктике видом транспорта.

Через несколько дней на полярной станции Диксона мы встретили Арсения Николаевича за работой. Он проверял новый, созданный в Свердловске, метеоприбор — дистанционный флюгер.

Это — очень остроумное устройство: сила и направление ветра, измеряемые снаружи, регистрируются внутри теплого помещения, в кабинете ученого.



Не всегда ярко светит над Диксоном солнце. Часто там бушуют метели и дома заносит до крыш. Потом, когда непогода утихает, с высоких, спрессованных ветрами сугробов, точно с горок, съезжают малыши.

Ребята постарше — любители футбола. Площадкой для игр служит им, правда, не зеленая лужайка, но и на снегу перед школьным зданием можно после уроков вдосталь погонять мяч.

Выпускники диксоновской десятилетки учатся в вузах Ленинграда, Москвы, Ростова. Каждый год в школу приходят первоклассники — дети портовиков, научных работников, охотников. Близнецам Гале и Юре Лобановым еще далеко до школы. Пока они воспитываются в детском саду вместе с другими своими сверстниками — уроженцами острова. Зимой, в долгие месяцы полярной ночи, малыши загорают под кварцем. Круглый год они пьют свежее молоко. Коровы отлично акклиматизировались в Арктике.



Круглый год в теплицах Диксона работница А. В. Преснякова снимает урожай зеленого лука. Осенью и зимой лук вызревает под электрическим светом, весной и летом теплицы щедро обогреваются незаходящим полярным солнцем.









Продолжим воздушное путешествие от Диксона на северо-восток, и мы увидим, как обживаются еще недавно пустынные места.

В устье реки Нижней Таймыры, под 77-м градусом северной широты, мы познакомились с четырехлетней уроженкой Арктики Наташей Соловьевой. Ее родители Владимир Ильич и Тамара Андреевна — специалисты по радиосвязи. Дочь свою они заранее считают будущим аэрологом. Каждый раз, когда синоптик Федор Григорьевич Силин запускает радиозонд, девочка сопровождает его на метеоплощадку.

— Скорей пускай! — требовательно кричит Наташа бородатому дяде Феде. Очень уж не терпится ей посмотреть, как в голубое небо взовьется серебристый шар.



Наташа — не самая юная жительница Усть-Таймыры. Рядом с нею в доме живет двухмесячная Ирочка. Ее родители метеорологи Евгений Владимирович Еленевский и Валентина Семеновна Суслова, приехав в Арктику из разных концов страны, стали здесь счастливыми супругами.



Самолет продолжает свой путь к Чукотке, и вот уже под крылом — полярная станция мыса Шмидта.

Никого не напугают медвежата, резвящиеся на крыше сарая. Они хоть и дерутся иной раз с ездовыми собаками, но уже научились брать пищу из рук людей.



Не надо удивляться, если при входе в жилой двухэтажный дом вы увидите, как у дверей квартиры складывают большие плиты твердого спрессованного снега. Н. Бочарова — сотрудница полярной станции — заготавливает воду для своей семьи. Что поделаешь, проще растопить снег на плите, чем строить колодцы в крае вечной мерзлоты.



Впрочем, отсутствие водопровода не мешает исправной работе центрального отопления. Сотрудники станции Арсений Никифорович и Лидия Кузьминична Матвеевы чувствуют себя дома не хуже, чем в городской квартире. Шкуры, которые лежат на полу, служат больше для украшения, чем для тепла. Меховые вещи хороши на морозе, но излишни в теплых, благоустроенных домах.



Еще недавно чукчи-оленеводы строили из шкур свои жилища. Теперь чукотская детвора учится в светлых, просторных классах, живет в интернате при школе.

— Разрешите ответить! — говорит Катя Кэленны. Она мечтает после школы поехать в Хабаровск, поступить в вуз или продолжать образование в Ленинградском университете.



На мысе Шмидта, у границы восточного и западного полушарий нашей планеты, стрелка на циферблате опережает московское время на десять часов. Но и сюда, на край земли, радио доносит бой кремлевских курантов. Телеграммы, поступающие на мыс со всех концов страны и уходящие отсюда, телеграфистка М. Н. Айнетдинова всегда датирует московским временем.

Голос Москвы звучит над бескрайними просторами Арктики. В счастливую советскую эпоху живет далекий заполярный край!



ТВОРЧЕСТВО

В. ГОРОДИНСКИЙ

«Материалы для жизни художника одни: его произведения»,— говорил когда-то Одоевский. Это верно и в том смысле, что большой, настоящий художник настолько сливается со своим творчеством, настолько исчерпывает себя в своих творениях, что его личность как бы поглощается ими.

Творческая личность Шостаковича развивалась и развивается буквально на наших глазах; этот выдающийся музыкант рожден и воспитан советским народом, живет идеями и интересами нашего общества.

Дмитрий Шостакович родился в 1906 году и, стало быть, принадлежит к среднему поколению советских музыкантов. Тем не менее его творческий стаж уже весьма значителен, даже если датировать начало широкой известности появлением на свет его Первой симфонии, исполненной впервые в мае 1926 года. Однако написана симфония № 1 была в 1924—1925 годах, без малого тридцать лет тому назад, когда композитору было всего 18 лет. Но и симфония № 1 не была первым исполнявшимся сочинением Д. Д. Шостаковича. Еще в 1922 году были созданы его «Три фантастических танца» для фортепиано, не забытые и до сих пор, хотя это в полном смысле слова юношеские произведения композитора. И все же первым зрелым произведением, в котором уже сказался художник огромного таланта и блистательного мастерства, явилась, конечно, симфония № 1, давно и прочно вошедшая в сокровищницу русской симфонической литературы и постоянно звучащая решительно на всех концертных эстрадах мира. Эта симфония выдержала самое опасное испытание для произведений искусства — испытание временем — и, за три без малого десятилетия не утратив свежести, яркости красок, в каждом новом исполнении открывает все новые стороны своей эстетической природы. И то, что ощущалось сначала только как влияние великих учителей и старших современников, как отголоски преклонения перед Чайковским, Римским-Корсаковым и Глазуновым, а отчасти и воздействия Скрябина, и то, что казалось дерзким вызовом академическим формам симфонического письма — каноническим, освященным привычкой и временем приемам,— все приобрело новый смысл и с ходом времени раскрыло свое действительное значение. Знаменитое положение, выдвинутое некогда Леонардо да Винчи: «Ты должен осмелиться нарушать правила не прежде, чем научившись в совершенстве следовать правилам»,— становится очевидной истиной, когда анализируешь партитуру Первой симфонии. Смелая речь композитора возвещает в ней о появлении нового движения в музыке, свидетельствуя в то же время о глубочайших, органически нерасторжимых связях художника с национальной русской музыкальной школой.

За три десятилетия, истекших со времени появления Первой симфонии, композитор написал много произведений, в том числе немало выдающихся, превосходящих по своему значению Первую симфонию. Да ведь и сама по себе цифра — 10 симфоний — весьма внушительна, если принять во внимание чрезвычайную сложность этой музыкальной формы. Из 10 симфоний, написанных до сих пор Шостаковичем, выделим Первую, Пятую, Шестую, Седьмую, Десятую, составляющие, на наш взгляд, венец современного симфонизма.

«Это прежде всего *настоящая симфония*, т. е. сочинение большой жизнеутверждающей идеи, глубокого эмоционально-философского содержания»,— такими словами А. И. Хачатурян характеризует новую, Десятую симфонию Шостаковича, и эта характеристика, на наш взгляд, может быть полностью отнесена по крайней мере к Пятой, Шестой и Седьмой симфониям.

Мы останавливаемся здесь прежде всего на симфоническом творчестве Шостаковича, ибо он симфонист по преимуществу, по самому характеру музыкального мышления, несмотря на то, что сочиняет музыку всех родов и жанров, в том числе и камерно-инструментальную и даже песенную. Автор Седьмой симфонии, созданной в осажденном Ленинграде,— программного произведения, по определению самого композитора, навеянного грозными событиями 1941 года,— симфонии, которая, по крайней мере в своей первой части, по праву может считаться одним из самых выдающихся художественных памятников Великой Отечественной войны,— предстает перед нами как страстный патриот, для которого служение Родине и родному народу представляет основание и главную идею, одухотворяющую творчество. Но Седьмая симфония — в то же время явление широкого, интернационального значения. Сам композитор говорит, что он не ставил перед собой задачу натуралистического изображения военных действий и не сочинял батальной музыки. На самом деле в Седьмой симфонии нет ни пушечной канонады, ни пулеметной стрельбы. Но в ней пламенеет неукротимый дух народа, защищающего свою советскую Родину и тем самым сража-

ющегося за человечество, за свободу всего мира. И Седьмая симфония была услышана во всем мире — народы всех стран прислушивались к ее гневному и страстному звучанию. Это была музыка, которая сама стала оружием в великом сражении против врагов мира и человечества!

Если рассмотреть пройденный Шостаковичем артистический путь по главнейшим произведениям, определяющим облик композитора, можно увидеть, как шаг за шагом раскрывается перед нами принцип его творческой деятельности. О ней скажем словами Глинки: «...можно соединить требования искусства с требованиями века и, воспользовавшись усовершенствованием инструментов и исполнения, писать пьесы, равно *доклáдные* знатокам и простой публике...»

Это утверждение может показаться странным, так как Шостаковичу долгое время сопутствовала репутация композитора трудного, малодоступного непрофессиональным музыкантам. В действительности же эта репутация основывалась на нескольких неудачных произведениях прошлых лет, равно «недокладных» и знатокам и «простой публике». Между тем в своих лучших сочинениях, которые и определяют творческий облик художника, Шостакович уже давно вполне «докладен» самой широкой публике и горячо любим ею. Чем же другим можно объяснить то, что любой концерт из произведений Шостаковича или концерт, в котором исполняются отдельные его произведения, неизменно собирает массу слушателей, до отказа переполняющих самые большие концертные залы страны? Эта несомненно возрастающая популярность музыки Шостаковича объясняется чрезвычайно быстро растущей и все более усложняющейся в своих эстетических требованиях музыкальной культурой советского народа, который уже никак не является в этом отношении, как и во всех других, «простой публикой». Эта в высшей степени строгая и взыскательная публика отнюдь не проста... С другой стороны, сказывается и непрестанный творческий рост самого композитора, его движение к подлинной народности творчества, движение, которым, на наш взгляд, по крайней мере, со времени Пятой симфонии обозначено почти каждое новое произведение Шостаковича. По крайней мере, такими произведениями явились Пятая, Шестая и Седьмая симфонии, кантата-оратория «Песнь о лесах», произведение, расширяющее привычные представления о жанровых возможностях Шостаковича и вместе с последующим циклом хоров на слова русских революционных поэтов, а также кантатой «Над Родиной нашей солнце сияет» вносящее новые и очень важные черты в творчество композитора.

Когда в «Правде», в отчете о праздничном концерте для Юбилейной сессии Верховного Совета РСФСР, мы читаем, что «под сводами зала торжественно и величаво прозвучала кантата «Над Родиной нашей солнце сияет» Д. Шостаковича», мы не можем не радоваться новому успеху композитора в его непрестанном движении к народности.

Проявления творчества не изолированы друг от друга. И для Шостаковича как для симфониста не безразличны его работы в области хоровой, или инструментально-камерной, или песенной музыки. В этом смысле, на наш взгляд, Десятая симфония — при всей несомненной ее сложности, при всем том, что она, как и многие другие произведения композитора, вызвала ожесточенные споры,— несет в себе подтверждение народности творчества Шостаковича. Симфония эта не имеет объявленной программы. Ее автор говорит, что он стремился выразить мысли и переживания наших современников, людей, горячо любящих мир, борющихся против военных угроз, видящих призвание человека на земле в том, чтобы созидать, строить, но не разрушать. «Любовь и стремление к миру,— говорит Д. Шостакович,— это не идиллическое созерцание и пассивное ожидание благостной тишины и спокойствия. Стремление к миру, любовь к человечеству, к его великой культуре — это труд, творчество, борьба. Любовь к делу мира — это значит любовь и преданность своему народу, своей Родине и одновременно — глубокое уважение к национальным чувствам всех других народов, к передовой гуманистической культуре человечества».

В Десятой симфонии есть и потрясающий драматизм и ощущение глубочайшего страдания, но там, где звучат темы страстной печали, они или переходят в музыку просветления или обрамляются полными надежды и жизни оптимистическими мотивами. С поразительной силой и ясностью выразил Шостакович в своей Десятой симфонии великое стремление к миру, активную, страстную, самоотверженную борьбу против злых сил, готовящихся взорвать мир. В новой симфонии Шостаковича звучат и великая ненависть к людям, грезящим об убийствах, и великая любовь к людям, борющимся за мир, и великая вера в то, что настанет время, когда на земле никто не будет страшиться за жизнь и счастье своих детей.

Удачи в искусстве также не бывают игрой слепого случая, как и неудачи. «Чем выше поэт, тем больше принадлежит он обществу, среди которого он родился, тем теснее связано развитие, направление и даже характер его таланта с историческим развитием общества»,—писал некогда Белинский. В музыке действует тот же непреложный закон. Когда поэт отклоняется от магистрального пути, которым следует его общество, когда он ослабляет связи с ним, он неизменно терпит творческие поражения. Так бывало и с Шостаковичем. Нет нужды говорить о том, что это этап давно пройденный. Заметим только, что самому Шостаковичу огромную пользу принесла нелицеприятная критика, указавшая художнику другой, верный путь, путь социалистического реализма в музыке.

С годами творчество Шостаковича становится все многообразнее. Вот перед нами тетради, заключающие в себе изданные в 1952 году 24 прелюдии и фуги для фортепиано. Этот труд композитора написан под впечатлением поездки в Лейпциг на баховские юбилейные торжества в 1950 году. Цикл прелюдий и фуг Шостаковича принадлежит к числу очень немногих и редких по своей смелости попыток так или иначе повторить исторический подвиг Иоганна-Себастиана Баха, создавшего из 48 прелюдий и фуг (по две на каждую тональность) знаменитый цикл «Хорошо темперированный клавир». И эта работа Шостаковича вызвала жаркие споры, но вряд ли кто-либо может отрицать, что композитор сделал здесь ценнейший вклад в советскую фортепианную литературу (нужно сознаться, еще не слишком богатую). Но, разумеется, не только фортепианную. Среди прелюдий и фуг Шостаковича есть произведения различного достоинства, но, за немногими исключениями, они восхищают нас строгостью и стройностью замысла, блестящим мастерством полифонического письма, замечательной законченностью формы. Какой блистательный, какой огромный путь проделан мастером! Пусть не все одинаково хорошо в прелюдиях и фугах Шостаковича, но к тому лучшему, что здесь имеется, композитор пришел через творческий опыт создания фортепианного квинтета, удостоенного в свое время Сталинской премии, через ораторию «Песнь о лесах», великолепное фортепианное трио и многое другое... И здесь нельзя не сказать об универсальности творчества Д. Шостаковича. Симфонист, который естественно и непринужденно «мыслит оркестром», является и тончайшим мастером камерно-инструментальной формы: недавно исполненный 4-й струнный квартет Шостаковича являет собой образец чисто графического изящества линий. Но, и покидая сферу академической музыки, обращаясь к массовым формам музицирования, Шостакович и здесь остается таким же блистательным мастером. Вся страна знает песни Шостаковича из фильмов «Встречный» («Нас утро встречает прохладой»), «Златые горы», «Встреча на Эльбе», прелестную песенку «Фонарики». Широко известна музыка к фильму «Молодая гвардия».

Шостакович — народный артист в самом полном смысле этого слова. Примечательно, что кипучая художественно-творческая деятельность композитора сочетается у него с такой же кипучей общественной деятельностью. Шостакович принадлежит к числу виднейших борцов за мир, и эта сторона его деятельности получила наивысшую оценку: за выдающийся творческий вклад в дело мира и дружбы между народами композитор удостоен Международной премии мира. Шостакович нисколько не оратор. Этот большой художник предпочел бы, как он сам сказал в своей речи на Втором Всемирном конгрессе сторонников мира, говорить «со всеми людьми через посредство партитуры, рояля или оркестра». Но совесть велит ему в иных случаях «говорить не нотами, а словами». И композитор, когда нужно, находит эти слова, то исполненные гнева, то пропитанные горьким ядом сарказма, иронией, разящей врагов мира. Не случайно имя Шостаковича вызывает беспокойство и враждебную подозрительность у правящих кругов капиталистических стран. Правительство США в свое время предложило Шостаковичу покинуть пределы страны и тем лишило американцев возможности слышать в концертах и видеть «живого Шостаковича», чрезвычайно популярного в Америке композитора. Английское правительство не дало визы Шостаковичу на поездку в Шеффилд для выступления по приглашению Британской радиовещательной корпорации перед английскими радиослушателями. По ироническому замечанию композитора, английское правительство решило не делать различия между Шостаковичем — делегатом Всемирного конгресса мира — и Шостаковичем — композитором. «Правда,— заключает композитор,— оба эти Шостаковича хотят служить делу мира». Они и служат миру со всей страстностью и самоотверженностью советского человека и патриота, художника-гражданина, воспитанного в Советской стране.



Группа деятелей английской и советской музыки. Слева направо — музыкальный директор телевизионной службы английской радиовещательной корпорации К. Райт, советский музыковед Г. Шнеерсон, редактор английского журнала «Музыка и музыканты» И. Синиор и композитор Д. Шостакович.

Фото А. Батанова (ТАСС).



Композитор Дмитрий Дмитриевич Шостакович.

Фото Е. Умнова.



Лучшие доярки колхоза имени Чкалова, Днепропетровской области, Александра Карноза (слева) и Екатерина Щербина.
Фото М. Савина.



ПУТИ-ДОРОГИ

Рассказ

А. МУСАТОВ

Рисунки В. Высоцкого.

Жарко. Булыжная мостовая накалена. Колхозный рынок гудит, как растревоженный улей, и переливается пестрыми красками. Ослепительно сияют высветленные землей шины колес и жестяные бидоны на телегах.

Василий Кошелев, счетовод районной конторы «Кожсбыт», пробирается через базарную площадь.

Он в коротком пиджаке неопределенного цвета, надетом прямо на нижнюю, давно не стиранную рубаху, щеки его заросли густым, колючим ворсом, и только картинно-пышные усы неизменно аккуратны.

Василию кажется, что базарная площадь сегодня почему-то покрыта рытвинами и ухабами, он часто оступается, но, несмотря на это, полон решимости. Он расталкивает людей, пролезает между жаркими лошадиными мордами, перешагивает через корзины с овощами и, что-то бормоча себе под нос, идет все дальше и дальше.

Василий знает, где торгует Марина,— в молочном ряду, недалеко от городских весов. Он появляется перед ней неожиданно, отталкивает покупателей и смотрит на нее сердитыми, в красных прожилках глазами.

— Марина!.. Детей требую! Выдай детей, Марина!

Женщина вздрагивает, мгновение хмурится, а потом смотрит на мужа с напускным изумлением. Она еще не стара, Марина. Но продолговатое, темное от загара лицо ее выглядит усталым, губы поблекли, частая сеть мелких морщинок лежит под глазами.

— Объявился!.. А я уж думала, не навестишь сегодня, — усмехается Марина. — Ты хоть поздоровайся. Жена я тебе или кто?.. — И опять долго вытирает о фартук руки.

— Ты не шутуй! — выходит из себя Василий. — Я в суд могу обжаловать. Раз тебе семейная жизнь со мной нежелательна,— не живи, твое женское дело. А дети общие... Суд поделит, он законы найдет! — Василий стучит кулаком по колесу, и голос его переходит в крик.— Полюбовно тебя прошу, Марина... Выдай детей!..

Крик привлекает колхозников с соседних подвод; они вытягивают шеи, переглядываются.

Марине становится неловко. Она вспыхивает и дергает мужа за руку:

— Уймись, Василий... Пьян ты! Я после базара к тебе заеду, переговорим, если хочешь.

— Ну и пьян... А почему? За детей терзаюсь!

Марина берет мужа за плечи и старается втолкнуть его в людской поток, что движется мимо телеги.

— Иди себе... честью прошу!

Василий вырывается, взмахивает руками и, вдруг покачнувшись, опрокидывает на телеге горшок со сметаной. Сметана проливается и лениво капает на землю. Маринину телегу обступают люди. Василий узнает знакомых колхозников из Березовки. Вот маленький остроглазый Афанасий Зайцев, колхозный конюх, сосед Марины. Он только что постригся, побрился, и от него крепко несет одеколоном. Афанасий приподнимает новую полотняную фуражку и приятельски подмигивает Василию:

— А-а, земляк! Ну, как балансы, как доходы-приходы? Говорят, приласкался к городу, не скучаешь о нашем брате, колхознике?

Людей собирается все больше.

Какая-то старуха с седыми усиками — Василий даже не знает ее имени — сокрушенно качает головой и шепчет:

— Ах, Васька, Васька! Заплутал ты, грешный человек, детей бросил! Тоска!

Высокий гривастый кузнец Коньков с засученными рукавами и красными от крови кистями рук — он только что рубил мясо — продирается сквозь толпу.

— Ты нашу Марину не пужай, — говорит Коньков и показывает на людей. — Соображай, весь колхоз в выезде — заступимся. А ты, Марина, объясни супругу, — зря он шумит: закон на твоей стороне.

Марина молчит, опустив глаза, и щепочкой соскабливает с телеги разлитую сметану.

Василий растерянно шарит в карманах, сглатывает слюну и, отвернувшись от жены, делает шаг в сторону.

Перед ним расступаются.

— Эй, счетовод! Луку, луку-то на копейку забыл купить! — со смехом кричит ему кто-то вслед.

* * *

Прошла неделя, и Василий не выдержал. Накупил гостинцев и отправился в деревню. «Сам с детишками поговорю... Они меня поймут», — решил он.

Проехав на поезде несколько остановок, Василий сошел на маленьком полустанке и прямой дорогой, через ржаное поле, пошел к Березовке.

Хлеба еще не созрели. Сизые волны бежали через поле. На горизонте синела зубчатая гряда елового бора. За рекою, на лугу, колхозницы сгребали сено.

Вскоре показалась Березовка. Василий с минуту постоял у околицы деревни и повернул на приусадебные участки. К своему дому он подошел с задней стороны.

Возле огорода вяло щипал траву тонконогий рыжий теленок. В проулке лежали длинные бревна, уже потерявшие свой золотистый глянец.

«Придется, пожалуй, продать, теперь не до стройки», — подумал Василий.

На калитке, ведущей в сени, висел замок. Это обрадовало Василия: значит, Марина на сенокосе и дома одни ребятишки — Колька и Маша. А с ними, глупыми, договориться не трудно...

Василий пошел к реке: наверное, Колька там.

Посередине реки мальчишки вели бой за бревенчатый плот.

Осторожно ступая среди кучек белья, Василий подошел к воде, долго смотрел на голые тела ребят и не мог узнать, который же тут его Колька.

Наконец кто-то заметил Василия и закричал:

— Колька!.. Счетовод!.. Отец приехал...

Мальчишки отпрянули от плота и поплыли к берегу.

Колька, курносый, веснушчатый, с острым подбородком, посиневший от долгого купания, торопливо всунул ноги в штаны и первый подбежал к отцу:

— А мамки нет... На дальний луг уехала. Она у нас за мужика косит... Дома я да Манька...

Колька был явно смущен. То и дело поглядывая на ребят, он говорил отрывисто, торопливо, левой рукой запутался в рукаве синей рубахи. Мальчишки один за другим выскакивали из воды, на ходу одевались, окружали Василия и внимательно его рассматривали.

— Мамки и завтра дома не будет и послезавтра... На целую неделю уехала... — сообщил Колька. — Ты как: ждать будешь или уедешь?

Василий потрогал свои картинные усы и миролюбиво прищурился.

— Обойдемся и без мамки! Я тебя с Манькой пришел навестить. В гости вас хочу позвать.

— В гости? — удивился Колька.

— Ну да... Город посмотрим, в парк культуры-отдыха вас сведу. Я там одну комнату знаю — завлекательное дело. От смеха на месте помереть можно...

— Я такую комнату видел, — авторитетно подтвердил большеголовый Илюша Шабров. — Там такое зеркало есть уменьшительное, а потом зеркало увеличительное.

— Вот-вот,— улыбнулся Василий.— А еще, Никола, может, к Ивану Грозному сходить?

— К какому Грозному? — не понял Колька.

— Помнишь, я тебе рассказывал, царь-то в нашем городе жил? Сурьезный такой царь, нравный. Чуть что — сейчас голову с плеч. Так вот, пойдем мы с тобой в музей, нам все и покажут: и какую шапку Грозный Иван носил и с какого блюда кашу ел...

— Этого я не знаю... — вздохнул Илюша. — Не бывал в музее.

Потом отец обещал свести Кольку в кино, городской театр, покатать на лодке.

Колька потер кончик носа. Искушение было велико. В город он ездил только два раза, да и то, кроме базарной площади, ничего не видел. И вдруг такое заманчивое приглашение!.. Но от кого?!

Колька вспомнил разговоры мальчишек об отцах. Самым знаменитым, пожалуй, считался отец Илюшки Шаброва. В войну он был партизаном, ходил в разведку, взрывал вражеские поезда. А сейчас работает в колхозе бригадиром.

Боевой отец и у Леньки Зайцева. Во время коллективизации кулаки стреляли в него из дробовика и травили собаками. Хотя дядя Афанасий и хромает до сих пор, но когда в колхозе случился пожар, так он первый ворвался в горящую конюшню и спас племенного жеребца.

Колька завидовал ребятам: отец у него был тихий, неприметный, сидел с утра до вечера в конторе да щелкал на счетах. Колька не раз допытывался у матери, не травили ли кулаки его отца собаками, не палили ли в него из дробовика.

Мать удивлялась.

— Бог миловал, не травили, — и на все вопросы отвечала скупо и не очень охотно: отец как отец, с кулаками не знался, в колхоз вписался вместе со всеми, на войне не был по состоянию здоровья.

Однажды ребята завели в школе уголок знатных людей колхоза. Повесили фотографии бригадиров, животноводов, конюхов. Потом на стене появился портрет Василия Кошелева.

— Его-то зачем? — опешил Колька.

— Считает хорошо, — пояснил Илюша Шабров. — Им все довольны... Ты думаешь, это просто на счетах — щелк, щелк?

С этого дня Колька стал чаще заходить в правление, присаживался около стола и наблюдал, как отец перекидывает на счетах черные костяшки.

В правлении толпились колхозники. Они почтительно следили за работой Василия. Кольке это нравилось. Он начал с уважением поглядывать на отца. Словом, наступило хорошее время. Колхозники здоровались с Колькой за руку и спрашивали:

— Какие там наши трудодни, молодой счетовод? Смекни!

И Колька важно объявлял. Он помнил наизусть, сколько трудодней выработал каждый колхозник. Он стал знаменит, как бригадиров сын Илюшка Шабров.

И вдруг в середине зимы колькин отец уехал в город.

В школе под отцовским портретом чья-то озорная рука мелкими буквами написала: «Беглый».

Колька затер надпись пальцем. На другой день надпись появилась снова. Тогда Колька тайно от всех сорвал со стены портрет отца, унес его домой и спрятал в сундучок.

Потом в колхозной стенгазете появилась карикатура: мужчина с густыми усами, сгорбившись, бежал к городу и тянул за собой сидящих на счетах, как в колясочке, Кольку, его мать и сестренку.

Глотая слезы, Колька прибежал к матери и спросил, когда же вернется отец.

— Кто его знает! — не глядя на сына, ответила Марина. — Хворый он у нас, лечиться поехал.

Отец приехал недели через три поздно вечером, и Колька слышал, как ночью в постели он ожесточенно шептался с матерью.

— Да ведь страшно, Вася! Тридцать пять лет здесь живу, как привязанная, — испуганно возражала мать. — И вдруг сразу, все брось... Да я же заболею, Вася!

— Дура... ой, дура! — возмущался Василий. — Ты пойми, что нам за расчет в колхозе жить? Председатели что ни год меняются... тягла не хватает. На трудодень гроши достаются. Да бедней нашей артели по всей округе не сыщешь...

— Это так, — вздыхала мать. — А все-таки стыдно — бежать куда-то, тишком да тайком. Повремени, Вася, может, все и наладится...

К утру Василий опять уехал в город.

Так по ночам он появлялся несколько раз. Когда Марина с Колькой приезжали в город на базар, Василий зазывал их к себе на квартиру, хвалился работой и торопил с переездом.

Но Марина не спешила. Начиналась весна, колхозницы работали на парниках, нашлось дело и для Марины.

Колька теперь почти не заглядывал в правление: там на месте отца сидел уже новый человек.

Колхозники при встрече звали мальчика постарому «Счетовод», но Кольку это только обижало.

Холодное ожесточение против отца росло в душе мальчика.

Вот и сейчас он не знал, как ему поступить. Колька вопросительно посмотрел на ребят.

— Думай, Никола, думай, — поторопил отец. — Не желаешь в город, не езди... Вольному воля. Могу с Манькой поехать. Да открой ты избу, покорми меня чем-нибудь!

Колька проводил отца домой, поставил на стол чугунок с картошкой, кринку с молоком и вновь убежал на улицу, к ребятам.

— Вы мне прямо скажите: ехать, не ехать. Сами знаете, какой у меня отец...

Мнения мальчишек разошлись.

Одни говорили: ехать нельзя, лучше подождать до школьной экскурсии в будущем году и вообще с таким отцом, как Василий, Кольке не следует даже разговаривать. Другие утверждали, что отец тут ни при чем, а важно попасть в город, посмотреть комнату смеха, музей с шапкой Ивана Грозного...

— Ну, ради шапки я бы не поехал, — сказал Илюша Шабров.

— А кино забыл? А карусель на базаре? А театр? — горячо вступился за поездку в город Ленька Зайцев, большой любитель кино, и посоветовал Кольке смотреть за вечер не меньше двух картин, запоминать как следует, чтобы по приезде обо всем рассказать ребятам.

Поспорив, ребята наконец сошлись на том, что съездить Кольке в город на три — четыре дня совсем не мешает, и, напичкав его разными советами, разошлись.

Колька вернулся к отцу.

— Ладно! Так и быть... — сказал он. — Денька на три можно поехать! Только вот теленок приболел — не мычит и травы не щиплет.

Василий успокоил: он попросит соседку, и та присмотрит за больным теленком.

Колька обулся в новые сапоги и надел старую милицейскую фуражку с нарисованной над козырьком фиолетовой звездочкой.

Фуражка была гордостью Кольки. В ней он казался себе солиднее, строже, а главное, считал, что в такой фуражке никто не осмелится назвать его счетоводом.

Семилетнюю Машу, беловолосую девочку с большими удивленными глазами, не пришлось даже уговаривать.



Получив от отца подарок — две яркие шелковые ленты — и узнав, что тот зовет ее и Кольку к себе в гости, девочка запрыгала от радости. Ее обеспокоило только одно — поедет ли с ними в гости Надька, толстая тряпичная кукла. Отец разрешил захватить и Надьку.

В семье Кошелевых Маша, пожалуй, больше всех уважала отца. Ей казалось, что тятька чем-то незаслуженно обижен, она втайне жалела его и, когда Василий изредка приходил в деревню, ласкалась к нему, доверяла свои маленькие детские секреты и обиды на Кольку и на мать. А в дни, когда неясная печаль трогала детское сердце, Маша выходила на большак, слушала, прижавшись ухом к телеграфному столбу, как бранчливо гудят провода, и серьезно смотрела кукле в пуговичные глаза: «Добежала бы ты, Надюша, до города. Ножки у тебя молоденькие, резвые».

После обеда Василий с детьми отправился на станцию, к поезду. Перед уходом Колька на клочке бумаги написал матери, что они с Машей уехали к отцу в гости.

Василий прочитал, усмехнулся и сделал приписку:

«Марина! Дети уехали со мной.— «Со мной» жирно подчеркнул.— Выбирай любое: или живи одна, без детей, или приезжай к нам в город.

Василий».

* * *

В город Кошелевы приехали поздно вечером.

Дома их встретила квартирная хозяйка, женщина грузная и до крайности любопытная. Имела она привычку обходить человека кругом и заглядывать ему в глаза.

— С семейством вас, Василий Иванович, с домочадцами, — приветствовала хозяйка Василия и ласково ущипнула Машу за щеку. — Теперь, поди, и супружницу ждать недолго?

— Теперь недолго, — ответил Василий.

Спать Кольку и Машу он устроил на кровати, а сам лег на полу. Кровать была двухспальная, высокая, на колесиках. Ее уступила Василию сердобольная хозяйка в тот день, когда он снял у нее комнату: «Почивайте, сердце мое. Кровать веселая, старинная!»

От малейшего прикосновения в ней назойливо ныли пружины и, словно колокольцы на бубне, звенели разболтанные никелированные шары и трубки.

Утром Василий поднялся рано, быстро оделся и не успел взять затасканный брезентовый портфель, как вдруг заметил острый, подозрительный взгляд Кольки.

— А когда Ивана Грозного смотреть пойдем?

— Успеется! Ты спи, отдыхай — в гостях всегда спать помногу полагается.

И отец ушел на работу.

В первый же день Колька показал Маше все известные ему городские достопримечательности: базарные весы, качели, тележку мороженщицы, — но дальше базарной площади идти не решился: уж очень воинственно были настроены городские мальчишки. Даже колькина милиционерская фуражка не произвела на них никакого впечатления.

Во дворе Колька познакомился с сыном квартирной хозяйки и даже начал помогать ему красить клетку для кроликов. Но пухлый, с ямочками на щеках Витька, неосторожно повернувшись, опрокинул банку с краской и обиженно закричал на Кольку:

— Из-за тебя все, колхозник!

Колька мазнул Витьку по щеке краской и убежал в комнату.

Стало скучно. Вечер почему-то запаздывал. Казалось, что даже солнце в городе двигалось ленивее, чем в деревне.

Отец вернулся поздно и в коридорчике за дверью принялся готовить на керосинке обед.

Колька напомнил ему про кино.

— А мы завтра сходим, — ответил отец. — Не убежит твое кино.

На другой и на третий день повторилось то же самое: отец поздно возвращался из конторы, ссылался на усталость и обещал наградить за все в выходной день.

Колька хмурился.

Только Маша была довольна городом.

Ей все здесь пришлось по душе: и подружки во дворе, научившие ее играть в «домики» и прыгать через веревочку, и множество подвод и людей на улицах, и даже тятькина кровать, высокая и звонкая.

В первый же день по приезде в город Маша нарисовала угольком на стене черную палочку.

— Это трудодень! — пояснила она отцу. — Ну чей, чей? Понятное дело, не мой. Я маленькая — мне трудовые дни не полагаются.

А ты большой, да не колхозный. Тебе тоже не полагается. Мамкин трудодень. Я дома ей всегда на стене записывала и здесь буду...

Василий усмехнулся, но ничего не сказал.

Со дня на день он ждал приезда Марины. Вот войдет она в комнату, сначала, конечно, будет спорить, обижаться, а потом увидит, как прижились здесь Колька с Машей, и ей ничего не останется, как смириться.

По утрам Василий шел на базар или к железнодорожному переезду, через который обычно въезжали в город березовские колхозники, и долго пропускал мимо себя нагруженные всякой всячиной подводы. Но Марины не было.

«Врешь, приедешь! — с раздражением думал Василий. — Дети-то у меня. А без них не проживешь: потянет...»

* * *

Утром Колька проснулся от веселого звона и треньканья пружин.

Маша, крепко прижимая к себе куклу, подпрыгивала на кровати: «Но-но, соколики!» Верно, ей казалось, что она мчится с Надькой на лихой тройке с колокольчиками.

Колька сердито столкнул сестру с кровати.

— Брысь!.. Ты зачем сюда приехала?

— Вот еще спрос какой! — обиделась Маша. — В гости приехала, отдыхать.

— В гости, глодать кости, — передразнил ее Колька. — Ничего ты не понимаешь, малолетка... Тятька-то обманул нас. Наобещал всего с три короба, а ничего не показывает...

— Он покажет... Ты обожди.

— Некогда мне ждать. Мне домой пора... И так четыре дня без пользы прошло.

В дверь заглянула квартирная хозяйка и сказала ребятам, что отец оставил им на завтрак.

Маша вышла в коридор умываться.

Хозяйка угостила девочку карамелькой в свинцовой бумажке и погладила по льняным волосам.

— Ну, что, беленькая, не едет ваша мамка?

— Мамке недосуг... Она сено косит... Ей нельзя по гостям, — ответила Маша, прилаживая к зубам свинцовую бумажку из-под карамельки.

— А который тятька лучше, беленькая: Василий Иваныч или тот, что в деревне остался? Тот, наверное, молодой, красивый?

— Какой тот? — удивленно подняла голову Маша.— Тятька у нас один... Василий Иваныч.

— А другой-то тятька деньги вам дает? На гостинцы тебе, на платья?.. — допытывалась хозяйка, глядя на девочку жалостливыми глазами.

Маша покраснела, уронила свинцовую бумажку и убежала в комнату.

— Чего она меня про какого-то второго тятьку спрашивает? — пожаловалась она брату. — Тятька у нас один... Все знают. Ты скажи ей, Колька... Только он больной... ему в городе жить надо.

— Больной, да не той стороной,— невесело усмехнулся Колька и задумался.

Вечером он твердо заявил отцу, что ему пора домой: ребята в деревне, наверное, уже ходят в рощу за грибами, и незачем ему больше бездельничать в городе.

Отец нахмурился.

— А здесь чем не дом? Живи, привыкай... Скоро мать приедет.

— Не приедет она... лучше не жди, — вырвалось у мальчика.

— А ты помолчи! Чересчур много понимать стал... Умник! — прикрикнул отец и, покосившись на Машу, приказал ей ложиться спать.

Утром Колька не нашел под кроватью своих сапог. Потом обнаружилось, что был спрятан и его пиджак. Только милиционерская фуражка висела на стене.

У Кольки сжались кулаки.

Теперь ему все стало ясно. Отец зазвал его и Машу совсем не в гости. Все это было сделано затем, чтобы заставить мать переехать жить в город. И они с Машей сейчас вроде как пленники!

Колька представил себе мать. А вдруг она затосковала без ребят и решила ехать к отцу?.. Погрузила вещи на подводу, заколотила досками окна, повесила замок на дверь. И, может, сейчас она уже прощается с соседками...

От таких мыслей Колька даже вздрогнул. Нет, нет, надо срочно ехать в деревню, предупредить мать!

Колька заглянул в шкафчик, где у отца хранились деньги. Денег не было: как видно, их тоже убрал отец.

«Ну и пусть!.. — решил Колька. — Домой и пешком доберусь... по телеграфным столбам».

И он принялся рассовывать по карманам куски хлеба.

Маша захныкала: ей тоже захотелось домой.

Колька пообещал, что в первый же базарный день они приедут в город вместе с матерью и заберут ее с собой.

— Да, обманешь! — не поверила сестренка.

— Слово даю. Лопни мои глаза! — поклялся Колька. — Я тебя выручу!

С трудом Маша согласилась остаться. Вечером вернулся отец и, узнав, что Колька ушел домой, очень рассердился и погрозил девочке пальцем.

На другой день он привел Машу в контору и, посадив рядом с собой, положил перед ней лист бумаги и красный с синим карандаш.

— Рисуй что-нибудь...

— А зачем? — удивилась Маша. — Я домой хочу. Скучно у тебя.

Но у отца так сердито зашевелились усы, что Маша не стала больше спорить.

Она покорно рисовала домики, рыб, цветы, куклу Надьку. Из глаз падали слезы, и девочка подкрашивала их фиолетовыми чернилами.

Так повторялось день за днем. Маша сидела в конторе рядом с отцом и настороженно прислушивалась к каждому стуку в дверь: вот-вот войдут Колька с мамкой и увезут ее с собой.

Но из колхоза никто не приезжал.

По ночам Маша плохо спала и, кутая в одеяло куклу, принималась горько плакать:

— Бедные мы с тобой... Все нас забыли, все забросили: и мамка и Колька.

Василий уверял Машу, что любит ее, обещал накупить игрушек, сочинял всякие интересные истории, вспоминал забытые сказки.

Утром, чуть свет, он бежал на базар, покупал продукты, дома на керосинке готовил завтрак. Все получалось по-мужски, неловко — падали из рук сковородки, подгорала рыба, убегало молоко, капризничала керосинка.

Квартирная хозяйка, розовая и теплая после сна, просовывала в дверь голову и сокрушенно качала головой:

— Ах, Василий Иваныч, Василий Иваныч! Все нет вашей супружницы и нет. Ну как это можно, не понимаю... — И, вздохнув, опускала глаза.

«К черту! — свирепел Василий. — Должна же она приехать».

Марины все не было.

* * *

В воскресенье, когда отец ушел в баню и Маша сидела одна в комнате, неожиданно приехал Колька.

Держа в одной руке тяжелую плетеную корзину, закрытую рядном, в другой — бидон с молоком, он с трудом протиснулся в дверь.

Маша бросилась навстречу братишке.

— За мной? Да? Чего ж так долго не ехал? — И она принялась собирать в узелок свои вещи.

— Ты погоди... — остановил ее Колька, вытирая рукавом взмокшее лицо. — Придется тебе еще в городе погостить...

Маша ничего не поняла. Кольке пришлось объяснить.

В колхозе заболел бригадир Григорий Шабров, и, как видно, надолго. Вместо него бригадиром назначили их мать. Сейчас в колхозе начали убирать хлеб, и мать целыми днями пропадает в поле. Вот она и решила, чтобы Маша пожила до конца уборки у отца в городе.

Девочка растерянно заморгала глазами.

— Я лучше с тобой.

— Нельзя со мной... Я тоже на уборке... воду подвожу, — сказал Колька и передал сестренке строгий наказ матери: слушаться отца, не капризничать, не плакать, не ходить грязнулей.

Маша обиженно засопела.

— А говорил тоже — выручу!..

— Я бы выручил... Это так мамка захотела, чтобы ты у отца пожила... Ну чего ты, Манька, чего? Мы же приедем... И мамка и я... Недели через три... Ты жди нас... А это вам продукты...

И, развязав корзину, Колька принялся вытаскивать из нее яйца, масло, мясо, пироги.

Посидев еще немного и рассказав колхозные новости, он заторопился обратно: как бы не прозевать на базаре попутную подводу, да к тому же ему не очень-то хотелось встречаться с отцом.

Вернувшись из бани, Василий застал дочку в слезах. Из ее сбивчивого рассказа он понял, что Марина прислала еду, сама она очень занята, приехать не может.

«Да что она, смеется надо мной! — про себя выругался Василий. — Сама не едет, а я тут с девчушкой нянчись!»

Утром ему вновь пришлось захватить Машу с собой на работу.

В конторе уже все привыкли к Маше, звали ее «Белочкой», посылали в буфет за бутербродами, за морсом. Появились у Маши и друзья. Главный бухгалтер с огромным золотым зубом и такой же беловолосый, как и Маша, подарил ей коробку цветных карандашей и попросил:

— Нарисуй мне, Белочка, самое-самое интересное...

Маша задумалась, пососала карандаш и во весь лист нарисовала кособокий дом. На окнах прямо из подоконника прорастали диковинные голубые цветы, труба была похожа на гриб, а дым был изображен в виде пружины.

Лирические строки

Геворг ЭМИН

Люлька

Я мог тебе ни в чем не уступить,
Рассориться с тобой давно бы мог,
Когда б не люлька эта, может быть,
В которой спит спокойно наш сынок.

К тебе качнется, а потом ко мне:
Не может люлька устоять одна.
И, кажется, забудься в тишине,
Не поддержи — и упадет она...

Уж люльки так и мастерят всегда,
Что ждет она поддержки с двух сторон,
И если не качнуть туда-сюда,
Проснется сын и будет плакать он,

И будет звать, пока не подойдем,
И будет ждать улыбки наших глаз.
Его речей еще мы не поймем,
А он отлично понимает нас...

Песня

Шли парень с девушкой, болтая,
Кружили, в облаках витая,
Вдали от города вдвоем.
Вдруг шепчет девушка в тревоге:
— Боюсь, не сбиться б нам с дороги,
Давай обратно повернем!

И тихо парень отвечает:
— Ну, кто ж дорогу примечает,
Когда с любимым он вдвоем!
С пути не сбиться — не заслуга.
Не потерять бы нам друг друга —
Вот думай, милая, о чем!

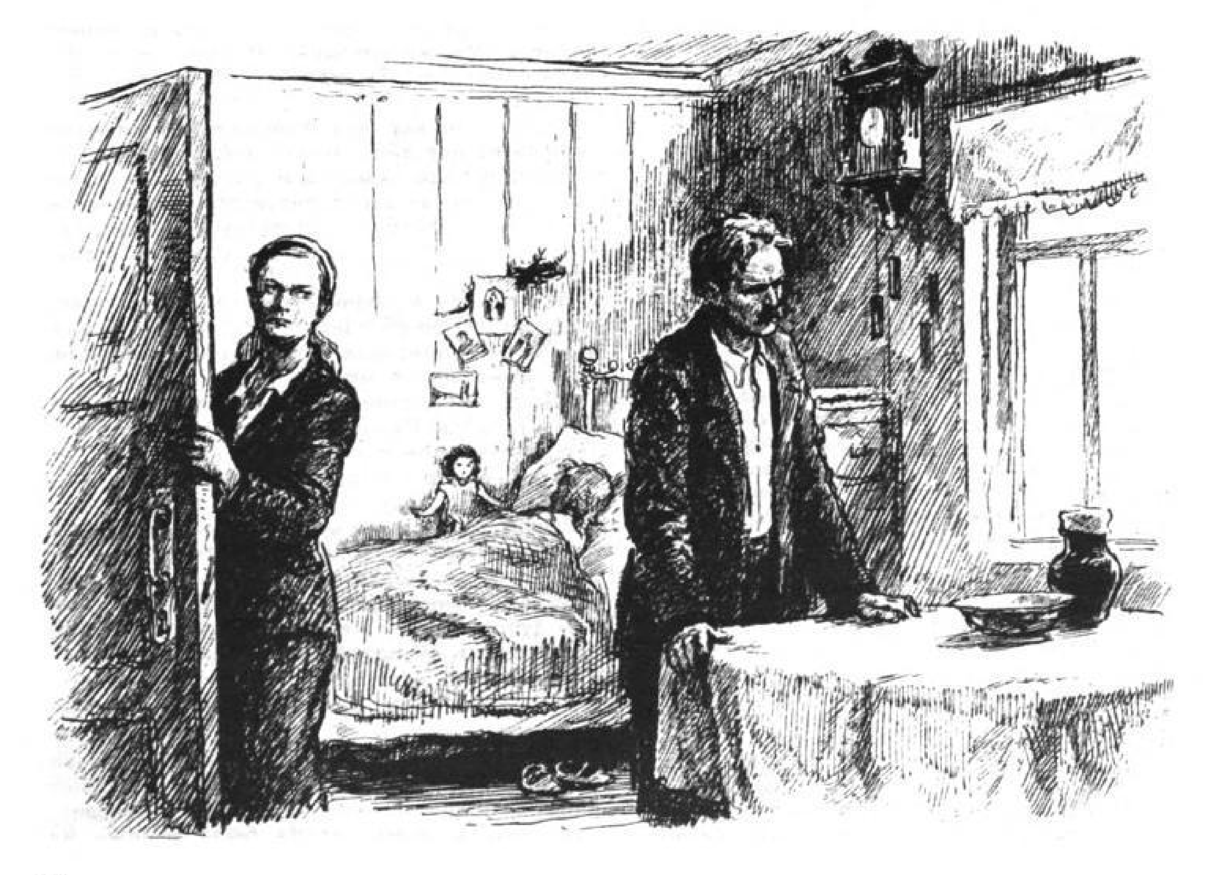
Тогда, хоть звезд на небе много,
Хоть без ухабинки дорога,—
Нам будет тяжело идти...
Ты не смотри вокруг с испугом:
Пока шагаем мы друг с другом,
Вдвоем не сбиться нам с пути!

Перевели с армянского **Е. НИКОЛАЕВСКАЯ** и **И. СНЕГОВА.**

— Это уж я видел, — разочаровался бухгалтер. — Ты мне этими домиками весь стол испачкала.
— Так это ж наш дом, а те чужие, ничьи! — горячо вступилась за свой рисунок Маша. — Мы осенью строиться будем. Сейчас у нас изба старая, тесная. А в новом доме шесть окон прорубим. Дом красивый будет... Ты приезжай потом посмотреть. Ладно?
— Хорошо, приеду, — пообещал бухгалтер и обернулся к машиному отцу: — Что же это, Василий Иваныч? Жена в деревне новый дом собирается строить, а ты скрываешь от нас.
Василий пренебрежительно отмахнулся:
— Наговорит вам девчушка... Откуда ей знать! Да и доходов у жены не хватит.
— Нет, я знаю... — заспорила Маша. — Колька говорил... Мамка строиться будет. Она теперь у нас бригадир...
Василий покачал головой — дочка становится выдумщицей. Наверное, это от скуки.
Через неделю на квартиру к Василию зашел березовский кузнец Коньков, передал ему корзиночку с провизией и спросил, как поживает Маша.
— Да она что, Марина, продуктами от меня решила откупиться? — вышел из себя Василий.
— Она бы и сама дочку навестила, — пояснил кузнец. — Да понимаешь, страда! А супруга твоя — бригадир у нас...
У Василия пересохло во рту.
— Бригадир?!
— А что ж! Марина дело ведет разумно, народ с ней считается. И вообще колхоз наш на поправку пошел. Нового председателя избрали, агронома. Народ к земле потянулся. Кое-какие доходы появились... — Коньков пристально оглядел Василия и с сожалением покачал головой. — Продешевил ты, пожалуй, Василий Иваныч, зря на сторону переметнулся.
Василий отвел глаза в сторону.
— Здоровьишко у меня не того... сам знаешь...
Оставив корзиночку с продуктами, Коньков ушел, а Василий, опустив голову, долго сидел за столом.
Маша подошла к столу и заглянула отцу в глаза. Они были мутные, тоскливые. У девочки сжалось сердце.
Прижавшись к теплой руке отца, Маша принялась упрашивать его поскорее вылечиться и поехать вместе с ней домой к матери.
Ведь как хорошо будет дома! Отец, как и раньше, работает в правлении, щелкает на счетах, а Маша прибегает к нему и зовет обедать, пить чай. В праздник они отправляются в клуб смотреть кино. Маша держит отца за руку. Мать идет рядом в нарядном новом платье. И все люди смотрят им вслед и завидуют: «Счастливая Манька! Тятька справа, мамка слева, а она в золотой середочке».
— Ну, правда, тятька, поедем, — уговаривала Маша.— Доктор у нас и в колхозе есть...
Василий молчал и тихо гладил девочку по голове.
В базарные дни его будил веселый и звонкий грохот колес. Василий подходил к окну. Длинный хвост колхозных подвод тянулся по улице. Они были нагружены чистыми, опрятными ушатами и кадками, краснобурыми глиняными горшками, облитыми глазурью, тонкогорлыми кувшинами, белыми дугами, колесами, граблями. Дальше следовали подводы с огурцами, розовым картофелем, пунцовыми помидорами, молоком, маслом, мясом.
— Черт-те что везут!— бормотал Василий и почему-то ощущал в душе странное беспокойство.
Тайная, но упрямая сила тянула его в эти дни на базар. Он бродил среди подвод, ко всему приценивался, ничего не покупал и заводил с колхозниками разговоры о посевах, урожаях, доходах, особенно интересуясь, как ведется хозяйство в Березовской артели.
Иногда Василий недоверчиво покачивал головой и с досадой перебивал, как ему казалось, не в меру расхваставшегося колхозника:
— Это, братец, ты уж через край хватил! Ну-ка, называй статьи прихода-расхода — мигом баланец сведу.
Колхозники называли цифры, и Василий быстро складывал их, множил, вычитал.
Порой за этим занятием его заставали земляки и, окружив тесным кольцом, посмеивались:
— Что, Василий Иваныч, опять на колхозную бухгалтерию потянуло?
Василий хмурился и уходил, хотя ему нестерпимо хотелось расспросить односельчан о том, как живет Марина.
Он уже начал понимать, что держать дочку у себя бесполезно: Марину этим из деревни не выманишь. К тому же нянчиться с девочкой было нелегко. Машу надо было мыть, переодевать в чистое белье, следить за ее обувью.
Вскоре девочка заболела ангиной.
Пришлось вести ее в амбулаторию, ходить за лекарствами, не спать по ночам.
Через неделю Маше стало легче, но она, все еще пользуясь правами больной, требовала, чтобы отец сидел у ее кровати и рассказывал сказки. А порой девочка просто-напросто начинала капризничать, чем не на шутку сердила отца.
— Отправлю-ка я тебя к матери! — однажды пригрозил ей Василий. — Она тебя быстро к рукам приберет. Собирай-ка свои вещички, я тебя на базар провожу, к землякам.
Маша замялась и отошла в угол, где она проставляла угольком черные палочки мамкиных трудодней.
— Ну, что ж ты? То рвалась, плакала, а тут...
— Нельзя мне уезжать... — тихо сказала Маша, водя пальцем по палочкам и что-то про себя подсчитывая. — Я у тебя еще восемь дней жить буду.
— Почему восемь? — удивился Василий.
— А так мне мамка наказала... до конца уборки оставаться.

* * *

Марина не обманула — приехала точно к концу третьей недели. Маша еще накануне вечером собрала свои вещички и, ложась в постель, загадала встать рано-рано, чтоб встретить мать при въезде в город.
Ночью она часто поднималась, будила отца, а к утру сладко заснула и не слыхала, как в комнату вошла Марина.
Василий поднялся ей навстречу. Они поздоровались.
Марина склонилась над девочкой, согнала муху с ее лица.
— Будить, что ли? — спросил Василий.
— Пусть поспит. С базара поеду — захвачу ее... Ну как? Досталось тебе с ней?
— Всяко бывало...
— Детской площадки в колхозе у нас нет, а мне в уборку не до Машеньки. Жила бы она, как сирота заброшенная. Спасибо, выручил ты меня...
— Рад стараться, — усмехнулся Василий. — Нечего сказать, в няньку меня превратила.— Он помолчал, потоптался на месте, потом тихо позвал: — Марина! А, может, останешься? — и сам не поверил тому, что сказал.— Ведь неразведенные мы с тобой... Все муж да жена. Даже не ссорились...
Марина задумчиво покачала головой.
— Это правда, не ссорились... А только зачем я пойду к тебе? В кухарки да белье стирать? И все-то мое звание будет — счетоводова жена. Не велика честь. А в колхозе у меня дело верное... Нет уж, Василий Иваныч, от добра добра не ищут... И не зови больше!
Нависло тяжелое, неловкое молчание. Марина покосилась на стенные часы.
— Я, пожалуй, пойду... Там на подводе Колька ждет. — И она шагнула к двери.
— Погоди! — Василий загородил дверь и, теребя ус, устало и глухо спросил:— Скажи, Марина... Прямо скажи... Примут меня обратно? Повинюсь... работать буду.
— Не знаю, — неуверенно ответила Марина.— Может, и примут... как общее собрание... Его воля. Хотя счетовод у нас уже есть...
— А ты, Марина, ты... приняла бы?
— Я что... — смутилась Марина. — Сердце у меня женское... меня не спросится, возьмет да и простит. А тут как собрание... А главное ребятишки. Колька, так тот зубами скрипит. Ты ему всю радость ребячью испортил. — Она тяжело вздохнула. — Сам думай, Василий. Силы хватит — приходи...
Василий перевел дыхание, отчего усы у него задрожали, и, втянув голову в плечи, отступил от двери.
Марина ушла.
Маша проснулась около полудни, обиженно захныкала, заторопилась и потребовала, чтобы отец немедленно проводил ее к матери.
Василий повел девочку на базар. Но перед молочными рядами он остановился — день был воскресный, и на базар, наверное, приехало немало колхозников из Березовки.
Василий приподнял Машу на руках и показал ей мать.
— Вот она, в зеленом платке. Видишь? Иди к ней...
— А ты?
— Я... Я потом, дочка... Другой дорогой приду.



КОНГРЕСС НАДЕЖДЫ

Заметки французского журналиста

Роже ГАРОДИ

Пять дней в пригороде Парижа Иври билось сердце Франции. На стенах домов, на столбах расцвели яркие кусты флагов; красный флаг — символ борьбы рабочего класса — дружно развевался на ветру рядом с трехцветным национальным флагом Франции. Многим из нас, спешившим по улицам Иври на заседания XIII съезда Французской коммунистической партии, вспоминались меткие слова Мориса Тореза, сказанные десять лет тому назад о национальных задачах рабочего класса, объединяющего «красное знамя наших надежд с трехцветным знаменем наших отцов».

Иври по заслугам был избран местом съезда: это один из первых муниципалитетов, где руководство перешло в руки коммунистов. Двадцать девять лет — с перерывом только на черные годы гитлеровской оккупации — мэром Иври состоит коммунист. Всё вокруг свидетельствует здесь о том, что Коммунистическая партия Франции — партия созидателей. Новые дома, школы, ясли, прекрасный парк, большой стадион, средняя школа — это создано для рабочих Иври настойчивыми усилиями их родного муниципалитета.

В недостроенном еще здании средней школы, фасад которой украшен плакатами, портретами, транспарантами, шли работы нашего съезда. Девятьсот делегатов — это была вся Франция, каждый ее уголок, от суровых скал Нормандии до лазурного южного побережья, от «черной страны», угольного Севера, до живописных Пиренейских предгорий. Много на съезде молодых партийных работников; их глаза сверкают отвагой, гордостью за партию, с живым интересом устремляются на трибуну, где сидят «старики», испытанные руководители. Много старых, закаленных бойцов и в самом зале — вожаков рабочих стачек, бывших партизан, с оружием в руках отстаивавших честь и свободу Франции. Когда раздались слова Жака Дюкло: «Мы продолжаем историю Франции, и мы обеспечим ей сверкающее будущее и величие, достойное ее миссии в мире»,—они как нельзя лучше отразили чувства и мысли, объединяющие всех делегатов съезда.

На другой день, когда было оглашено приветствие съезду от Коммунистической партии Советского Союза, буря оваций потрясла стены. Это было могучее эхо, прозвучавшее из глубин французского народа в ответ на братское слово великого народа-друга. И в третий раз за время съезда мы были свидетелями волнующей картины единства нашей партии,— это было, когда оглашались слова торжественной клятвы, данной Французской коммунистической партией от имени рабочего класса: «Народ Франции не будет, никогда не будет воевать против Советского Союза».

На трибуну подымается Анри Мартэн. Он читает волнующее приветствие от Партии трудящихся Вьетнама; за ним следует привет от коммунистов — борцов за свободу Бразилии, подписанный Луисом Карлосом Престесом, которого зовут в народе «рыцарем надежды»; полное драматизма послание Коммунистической партии Греции, из каждой строки которого встает мужественная фигура Белоянниса, улыбающегося в лицо смерти. Эти приветствия звучали как новые свидетельства того, что нет силы, которая могла бы разъединить великое братство коммунистов всех стран. Съезд с большим и теплым вниманием прослушал послание от немецких коммунистов. Оглашая его, выдающийся деятель Сопротивления Лоран Казанова напомнил последние слова французского рабочего-металлиста Пьера Тимбо. Когда раздался залп стрелявших в него гитлеровских палачей, он воскликнул: «Да здравствует Коммунистическая партия Германии!»

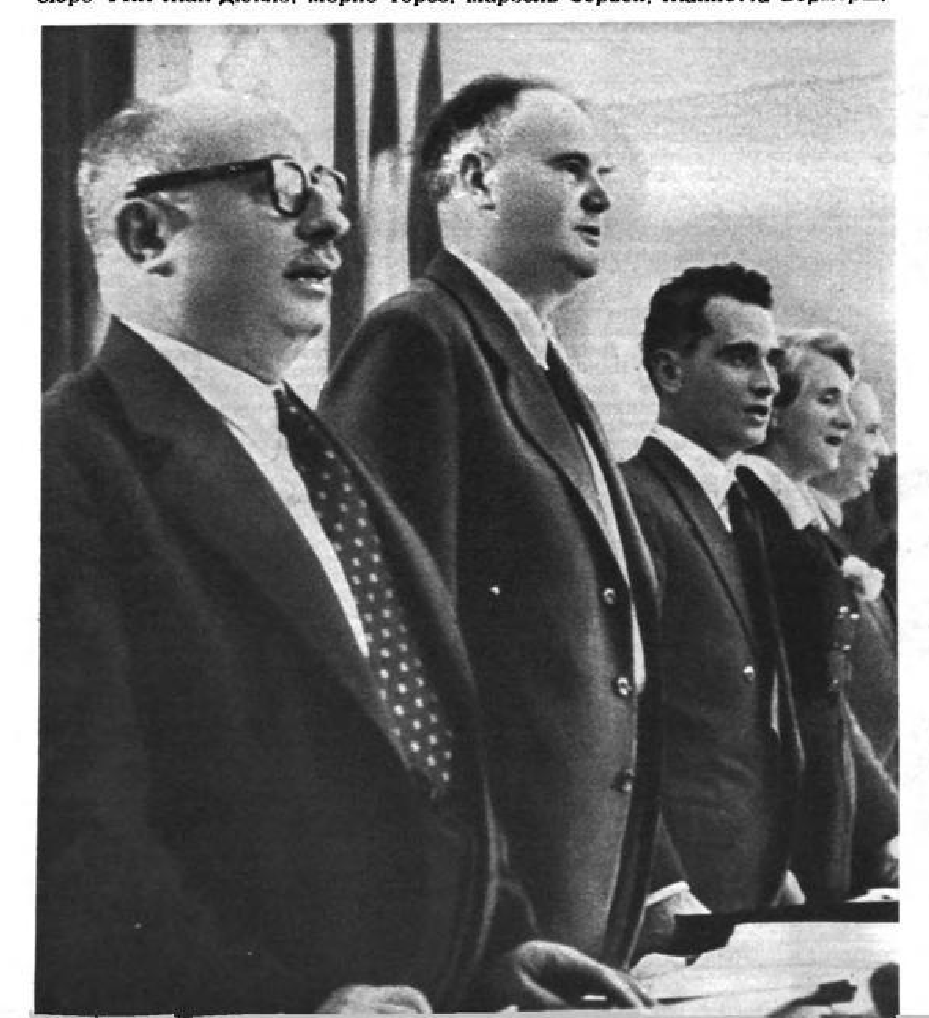


Старейшие делегаты съезда. Справа налево: один из основателей партии Марсель Кашен и видные профсоюзные деятели Анри Гурдо и Гастон Монмуссо.



Молодые делегаты. Первый слева — Анри Мартэн.

После оглашения приветствия ЦК КПСС члены Президиума съезда вместе со всеми делегатами поют «Интернационал». Слева направо: члены политбюро ФКП Жак Дюкло, Морис Торез, Марсель Сервен, Жаннетта Вермерш.



Самый факт, что на съезде присутствовали представители братских коммунистических партий, был уже нашей победой. Правительство Ланьеля и Бидо отказало в визах представителям компартий стран народной демократии и Италии. Оно вынуждено было отступить под напором негодования и решительных протестов трудящихся французов. Когда представители этих стран появились в зале в последний день съезда, делегаты устроили им оглушительную овацию. «Бандьеро россо» — песня, спетая в честь итальянских товарищей,— сменилась мощными звуками «Интернационала», который пели на многих языках и делегаты и гости.

Приветствия из придавленной, но не покоренной Испании, из героической Кореи, из маленькой мужественной Гватемалы, из проснувшейся к новой жизни Индии... Тунис, Марокко, Мадагаскар с его восемьюдесятью тысячами жертв, павших от руки колонизаторов, Алжир — из этих колоний Франции съезду французских коммунистов писали докеры, крестьяне, интеллигенты. И все единодушно приветствовали нашу партию как носительницу лучших традиций и чаяний нации, благодарили за патриотизм, за мужество в борьбе против американских империалистов — душителей Франции. Можно было понять волнение Фредерика Жолио-Кюри, когда он сказал: «Я горжусь тем, что являюсь членом этой партии».

Во время перерывов на улицах, в столовых звучали песни всех департаментов Франции. Шахтеры Севера хором исполняли «Малютка Кэнкэн»; крестьяне Эро пели «Песнь семнадцатого полка»; слышно было, как в импровизированном хоре молодых смешались многие диалекты юга; как лионцы запевают свою замечательную старинную, доставшуюся по наследству от дедов-ткачей «Мы порвем нити старого мира»...

За пять дней живой, содержательной дискуссии была выработана ясная линия политики партии, намечены перспективы ее дальнейшей борьбы. Эта политика — сгусток опыта всей партии, миллионов трудящихся людей, их успехов и поражений, их побед и ошибок. Обсужденная в партии начиная от ее низовых звеньев до съезда, взвешенная на точных весах марксистско-ленинской теории, политика эта стала теперь программой действий, законом партии.

Незабываемы минуты, когда съезд слушал заключительную речь Мориса Тореза. Было радостно до глубины сердца видеть нашего Мориса здоровым, в полной «форме», слышать его глубокий и сильный голос, призывающий французский народ к великой борьбе за социальное и национальное освобождение. Трудно лучше выразить главную суть съезда нашей партии, чем это сделал Торез в следующих словах: «Съезд подтвердил полную веру коммунистов в будущее их страны, их волю — поднять Францию из руин, из упадка, из положения второстепенной державы, в которое ее рассчитывают поставить американские миллиардеры». В дни, когда шаталось на своем гнилом фундаменте правительство, проводящее линию этих миллиардеров, и когда вся Франция требовала радикальной перемены в политике правительства, Торез еще раз с силой подчеркнул решимость Французской коммунистической партии поддержать всякую политику, которая исходила бы из доподлинных нужд и потребностей французской нации.

И как бы апофеозом боевого слета верных сынов народа — коммунистов — прозвучали прочитанные поэтом Арагоном с трибуны стихи:

Страшны ли нам клубы тумана
.И лжи, что влекут за собой
те люди!
У нас есть солнце, оно нам
светит —
Это моя лучезарная партия!



Вол, прибывший из степей Украины, покидает вагон.

По асфальтированной ленте нескончаемым потоком идут автомашины — автобусы, легковые и грузовики,— наполненные ящиками разных размеров, тюками, кипами свертков. На каждом выведено крупно: «На Всесоюзную сельскохозяйственную выставку», «Осторожно, не кантовать» и помельче адрес отправителя.

Слева, если ехать от Северного входа, мелькают утопающие в зелени здания павильонов и служб, а справа простирается широкое зеленое кольцо — рощицы, кустарники, лужайки. Здесь, за невысокой оградой, спрятались фермы — коровники, свинарники, конюшни, склады фуража и кормов, загоны и даже свой ипподром.

Это своеобразная перевалочная, где грузы, приходящие на выставку, прежде чем попасть на предназначенное им место, проходят тщательный контроль и осмотр. Тут же расположились обширные склады отдела экспонатов и разгрузочная станция, куда протянулись стальные пути железнодорожной ветки.

В диспетчерской раздается телефонный звонок:

— В ваш адрес прибыло два вагона с животными. Сейчас выходят к вам.

— Есть. Давайте.

«Гостей» встречали ветеринарный врач, зоотехник, санитарка. Издали донесся протяжный гудок, и в облаке пара подкатил паровоз с двумя вагонами.

вестностью. «Золотой коллектив» — так называют животноводов в области. Да это и понятно: 13 работников фермы награждены Золотыми звездами Героя и орденами Ленина за отличные показатели. Кроме того, у многих колхозников на груди сияет по три — четыре ордена.

Вместе с Героем Социалистического Труда зоотехником этого колхоза Александрой Максимовной Лищенко мы побывали в коровниках, где разместились ее подопечные, в каждом отделении по четыре.

— На нашей ферме,— говорит Александра Максимовна,— нет плохих коров; есть, правда, лучшие, такие, как Виктория, от которой в год надаивают по 7—8 тысяч килограммов молока, есть и Веранда, Палка, Вычегда, дающие до 7 тысяч...

Обняла за шею свою любимицу Повариху доярка этого колхоза Софья Александровна Полякова, Герой Социалистического Труда, кавалер многих орденов. Она рассказывает:

— На новом месте коровы прижились недурно. Возьмем, например, мою Повариху: она не снизила, а повысила удой. Знать, понравились ей московские калачи...

Животные поворачивают морды и осматриваются по сторонам. Они охотно фотографируются, словно понимая свои достоинства и, если хотите, красоту.

Перед открытием ВСХВ

ПРИБЫВАЮТ ЭКСПОНАТЫ



У свиноматки Кубанки одиннадцать поросят.

Много хорошей шерсти дают овцы цакля.



Отодвигается тяжелая дверь теплушки, и в щель просовывает добродушную рогатую морду украинский вол по кличке Валик, присланный племсовхозом Поливановка, Днепропетровской области. Валик отличается завидным здоровьем, покладистым характером и солидным сложением: его живой вес равен тонне.

Во втором вагоне пятеро пассажиров — бараны и овцы породы цакля, присланные колхозами Жабьевского района, Станиславской области Украины. Пушистые, похожие на живые клубки шерсти, свисающей до пят, шустрые животные очень активны. Каждый такой баран дает много отличной шерсти.

Животные прибывают не только группами, но и целыми стадами. Например, из колхоза «12 Октябрь», Костромской области, доставлено 160 голов крупного рогатого скота — 68 высокоудойных коров, 3 быка и молодняк знаменитой костромской породы.

Ферма этой сельхозартели пользуется всесоюзной из-

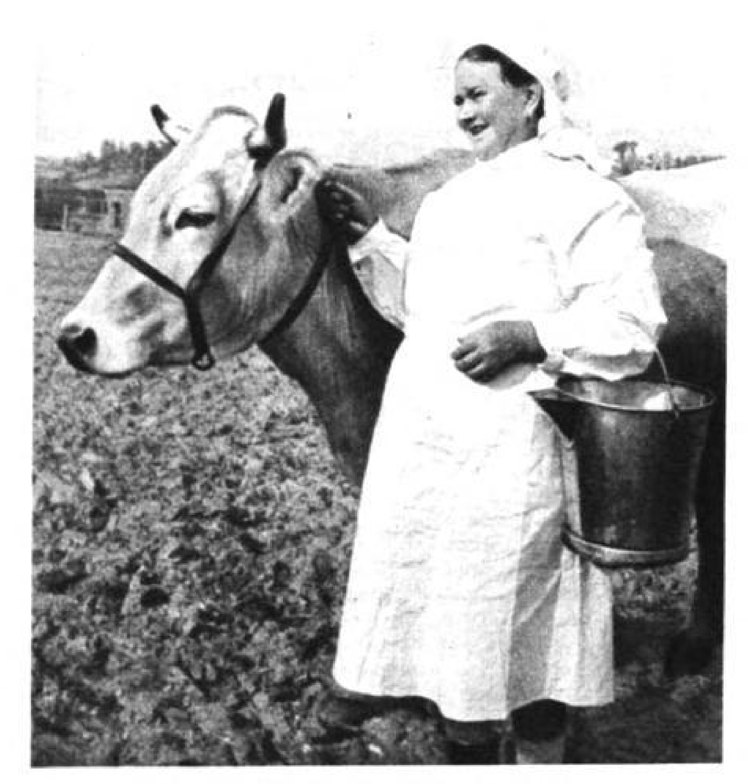
По соседству находится стадо ярославок, привезенных заведующим фермой колхоза Горшиха, Ярославской области, Ильей Ивановичем Абросимовым. Пастбища там у них неважные, много болот, а скот прекрасный. Животноводы показали, какую отличную породу можно воспитать, если по-настоящему взяться за дело. Достаточно сказать, что за прошлый год колхоз получил от животноводства 1 200 тысяч рублей дохода.

По-хозяйски осмотрев стадо костромичей, познакомившись с документами и показателями, Илья Иванович убедился, что его стадо кое в чем уступает костромскому. Посоветовался с товарищами по ферме. Порешили:

— Давайте вызовем животноводов «12 Октября» на соревнование, поборемся. Наша молодежь поучится у ваших мастеров, а там и поспорим. Согласны?

Так был заключен первый на выставке этого года договор социалистического соревнования...

За невысоким забором возлежит на поляне живая гора



Хороша костромская корова Повариха!

мяса и сала. Это громадная свиноматка Кубанка, выращенная в колхозе имени Калинина, Каменской области. Она прикатила со всем своим семейством — одиннадцатью поросятами.

Сейчас время «обеда», но малышей столько, что они сразу не умещаются, и их делят на две группы. По довольному виду этой представительницы черно-пестрой породы можно с уверенностью сказать, что дальнее путешествие не повредило ни ей, ни ее веселым, бойким поросятам.

Ежедневно со станции в просторные конюшни приводят чудесных лошадей — рысаков и тяжеловозов.

Вот на разминку вывели владимирского тяжеловоза Графчика. Верхом на него не отказался бы сесть и былинный русский витязь. Годен он, как гласит старая поговорка, и под воду и под военоду. Конь-богатырь состязается в силе с двумя грузовиками; он один может увезти столько груза, сколько берут две пятитонки,— без трехсот килограммов десять тонн!

* * *

До открытия выставки осталось немного времени, и напряжение во всех уголках растет. Оживленно и на складах отдела экспонатов. Тут ежедневно вскрывают, осматривают, переправляют в павильоны сотни ящиков, тюков, посылок.

Горы снопов различных зерновых культур. Вот лежат только что прибывшие с Саратовской селекционной станции снопы пшеницы и нута — бобовой культуры, богатой белком. Сюда же поступают самые разнообразные экспонаты. Чего только не пришлось увидеть бригаде, распаковывающей ящики! Великолепные ковры, хрустальные чаши, украинские вышивки, художественное литье, сервизы, обувь из Тбилиси, трикотаж из Ленинграда, ювелирные изделия, вина, шелковые ткани, меха. Один перечень их займет сотни страниц.

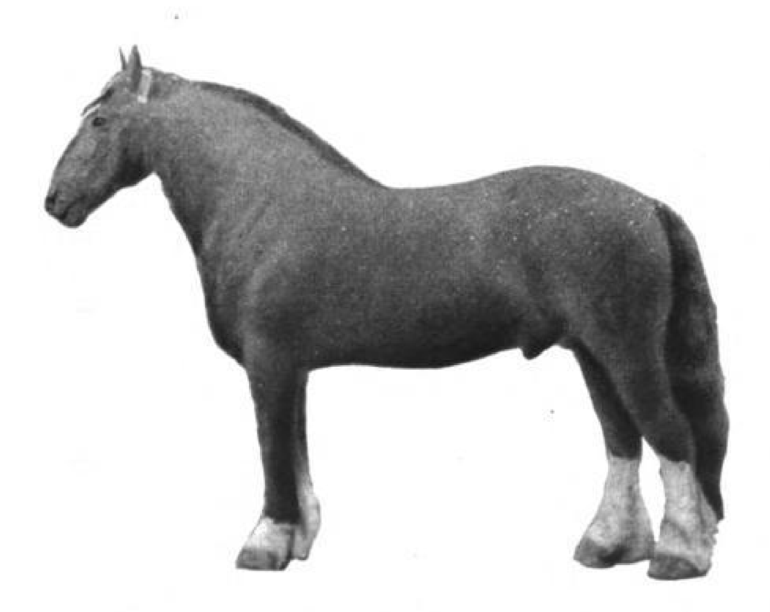
* * *

...Стоит жаркий день. А в подвале нас встречают люди в шубах, валенках. Тут холодильник, где еще осенью прошлого года были положены фрукты и овощи. Десятки сортов яблок и груш, айвы и гранат — все это сохраняется для павильонов выставки.

Пачки телеграмм, извещений, писем, запросов ежедневно разлетаются по павильонам и управлениям выставки. Это значит, что завтра прибудут тысячи новых экспонатов.

Г. БЛОК

Фото И. Кициса.



Конь-богатырь. Он увезет груз двух пятитонок.

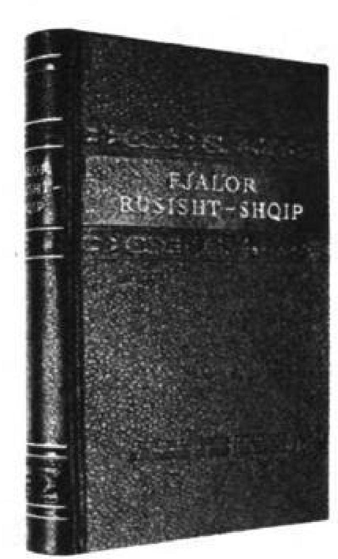
РУССКО-АЛБАНСКИЙ СЛОВАРЬ

По просьбе Института наук Народной Республики Албании Государственное издательство иностранных и национальных словарей в Москве взяло на себя выпуск первого русско-албанского словаря. Заботливо отнеслись советские филологи и полиграфисты к его изданию.

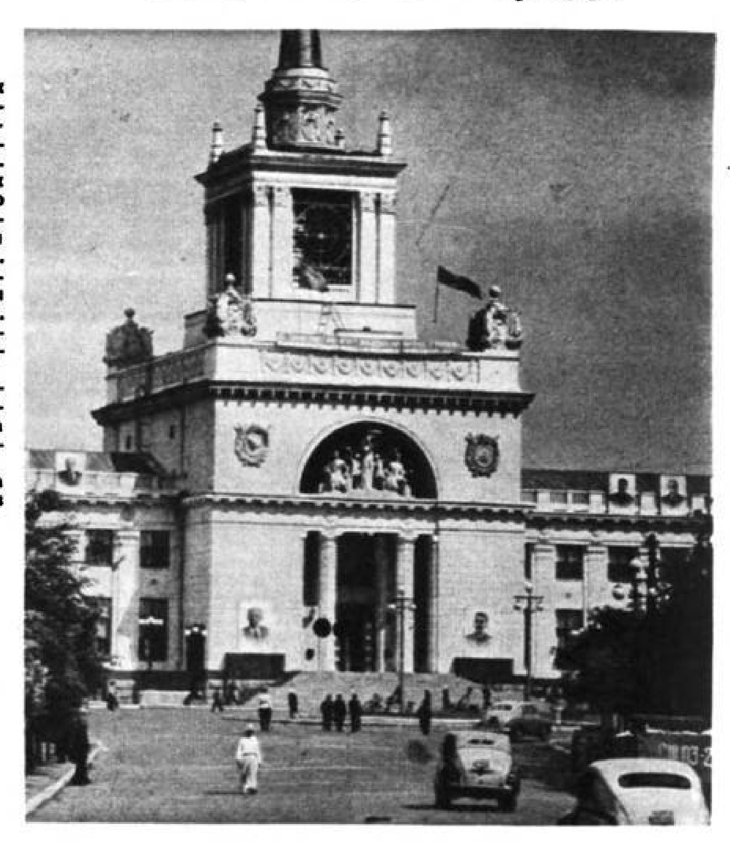
Составлен словарь Отделением языка и литературы Института наук Албании. В нем 25 тысяч слов из современного русского литературного языка.

Словарь рассчитан на широкий круг албанцев, изучающих русский язык, на лиц, занимающихся переводами.

Небольшая часть тиража будет распространена в СССР.



Вокзал Сталинграда



Новый вокзал в Сталинграде.
Фото Ю. Яковлева.

В Сталинграде открылся новый железнодорожный вокзал. Широко раскинулись его боковые крылья. Центральная часть здания увенчана шпилем, на вершине которого звезда из золотистого стекла. Гранитная лестница ведет к главному входу. Здесь установлена скульптурная группа «Слава», в центре которой мать Родина, венчающая героев лавровым венком.

На вокзале несколько прекрасно отделанных залов ожидания, комнаты матери и ребенка, ресторан, гостиница для транзитных пассажиров, душевые.

И. ГУММЕР

Новые встречи



В бытность мою в Венгрии мне довелось впервые увидеть фильм «Так приходит счастье», и он поразил меня своей глубокой жизненностью. Строителям нового общественного строя в Венгрии приходится преодолевать немало препятствий, много и напряженно трудиться. Все это выпало и на долю героев фильма «Так приходит счастье» — бывшей батрачки Юли Гараш, будапештского рабочего Пишты Орбана, крестьянского парня Иошки Мадараша. Стройка становится школой жизни для этой молодежи, формируя характеры. Есть в фильме драматические, глубоко волнующие сцены. Часто в зрительном зале раздается смех: как во всех венгерских картинах, здесь много комедийных эпизодов, тонко и остроумно сыгранных актерами.

Глубокую симпатию вызывает боязливая и робкая крестьянская девушка — сирота Юля Гараш, приехавшая на стройку тайком от своего хозяина — кулака. Тут, на строительстве, впервые нашла она место в жизни, нашла друзей, нашла свою любовь. Исполняет эту роль Аги Месарош — одна из талантливых драматических актрис Венгрии. В Национальном будапештском театре мне посчастливилось увидеть Аги Месарош в спектакле «Гроза» Островского. Это была прекрасная Катерина, подлинный луч света в темном царстве. Образ, созданный актрисой в новом фильме, также трогает искренностью и чистотой.

Фильм «Так приходит счастье» говорит о счастье свободного, творческого труда. Но он напоминает и о том, что надо быть бдительными, ибо враг ищет любую лазейку, чтобы помешать строительству свободной Венгрии.



«Так приходит счастье». Юля Гараш — артистка Аги Месарош, Пишта — Адам Сиртеш.

Видела я и другой фильм, выпущенный в дни фестиваля на наши экраны. Эта картина — «Невеста героя» — продолжает серию исторических кинеповествований.

В этом фильме широко показана жизнь простых людей, любовно обрисованы представители отважного, свободолюбивого венгерского народа. Менее удались постановщикам и актерам образы врагов.

Наши зрители познакомились в этой картине с двумя молодыми актерами, впервые снимавшимися в кино. Роль Яноша Борнемисса исполняет артист Тибор Бичкеи. В роли его невесты, отважной патриотки Анны Биро, снималась Ева Ваш. Фильм хорошо снят операторами, в нем много живописных пейзажей, выразительных портретов.

Талантливые мастера венгерской кинематографии на верном пути. И советские зрители каждый раз с интересом ждут показа их произведений.

Л. СУХАРЕВСКАЯ,
заслуженная артистка РСФСР



Большие скорости

Многодневная велосипедная гонка Москва — Харьков — Киев — Минск — Москва



Гонщики на этапе.
Фото Н. Волкова.

Крутой поворот. Лента шоссе почти вплотную прижалась к полотну железной дороги. Велосипедисты поровнялись с товарным поездом. Замелькали вагоны. Евгений Немытов на какое-то мгновение идет вровень с паровозом, и создается впечатление, что этого популярного советского гонщика отнюдь не смущает высокая скорость локомотива.

Большие скорости — вот что в первую очередь характеризует нынешнюю гонку велосипедистов, которая проходит по трассе трех республик — РСФСР, Украины и Белоруссии. Эта борьба за каждую секунду началась буквально с первых же метров трассы. Взяв старт в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького, промчавшись под Крымским мостом, гонщики уже на Садовом кольце развили скорость в 40—45 километров.

Пройдено четыре этапа гонки. Позади остались Москва, Тула, Орел, Курск, Харьков.

5 часов 02 минуты 51 секунда потребовались победителю первого этапа Москва—Тула армейскому гонщику Ростиславу Чижикову, чтобы пройти 183 километра. Его одноклубник Евгений Немытов отстал на финише от победителя всего на полколеса. Он показал такое же время. Всего 4 минуты проиграл им Евгений Клевцов — прошлогодний победитель на этом этапе.

Любопытно отметить, что средняя скорость победителя — 36 километров в час. Результат прошлогоднего лидера на этом же промежутке пути был равен 34 километрам.

Еще больших успехов достиг на этапе Тула — Орел гонщик Павел Востриков (Центральный спортивный клуб Министерства обороны). 182 километра пройдены за 4 часа 15 минут 36 секунд. 42,7 километра — такова среднечасовая скорость этого молодого гонщика. Почти на 40 минут меньше затратил он на этом этапе, чем победитель прошлого года...

Курск — Харьков — один из самых больших этапов гонки — 218 километров. По выходе из Курска там, где шоссе поднимается в гору, из общей колонны гонщиков вырвалась небольшая группа, 11 велосипедистов. Среди них дружная команда армейцев: Чижиков, Клевцов, Вершинин, Немытов, Востриков, Сиротин.

Обоянь. Первым въезжает на чистенькие улицы города уроженец этих мест Евгений Клевцов. «Сынок!» — кричит вслед стремительно промчавшемуся гонщику мать Клевцова Ольга Гавриловна. Машет брату рукой его сестра Дарья...

В районе Белгорода борьба между лидерами достигает предельного напряжения. Скорость, несмотря на трудность трассы, доходит до 50 километров в час. Вперед вырывается Немытов, за ним Чижиков, Клевцов и Востриков.

До Харькова 28 километров. На шоссе неожиданная надпись: «Привет Чижикову и Немытову. Надеемся!»

Армейцы оправдали надежды украинских болельщиков. Харьков. Площадь Дзержинского. Финишируют Немытов и Чижиков. Немытов — на полколеса впереди. Но время гонщиков одинаковое — 5 часов 37 минут 26 секунд.

После четырех этапов команда Центрального спортивного клуба Министерства обороны — ЦСК(МО) — на первом месте. На втором месте команда «Зенит».

А. ГАЛИЦКИЙ



Тренер команды ЦСК(МО) Ф. Тарачков дает последние указания перед стартом.
Фото О. Кнорринга.

НА ФУТБОЛЬНЫХ ПОЛЯХ



Команда московского «Торпедо» впервые встретилась с командой «Форвертс» в Германской Демократической Республике прошлым летом и потерпела поражение. Матч-реванш, состоявшийся на московском стадионе «Динамо», закончился победой торпедовцев со счетом 3 : 1.

На снимке: торпедовцы забивают гол в ворота команды «Форвертс».

Фото А. Бочинина.



Юный болельщик преподносит цветы игроку датской команды «Викинг».
Фото Н. Ананьева.

Сто тысяч ленинградцев пришли посмотреть футбольное состязание между командами «Зенит» и «Викинг» (Дания).

Игра началась стремительной атакой ленинградцев. На первой минуте правый полусредний А. Тенягин забивает гол в ворота гостей. Со счетом 2 : 0 в пользу «Зенита» закончился этот международный матч.

Из фондов Рязанского художественного музея

По тенистым аллеям сквера дорога ведет к небольшому двухэтажному зданию — Рязанскому областному художественному музею.

Большое участие в создании и обогащении этого музея принимала интеллигенция города. Живописец, учитель рисования А. А. Киселев-Камский, председатель художественного общества, организованного им в 1913 году, собирает произведения известных художников. Эта коллекция и послужила основой созданного в 1915 году художественно-исторического музея.

После Октябрьской революции экспозиция значительно расширяется. По инициативе известного живописца Я. Я. Калиниченко, который долгое время работал в Рязани, и А. А. Киселева-Камского устраиваются городские и областные выставки работ художников, благодаря которым пополняется постоянная экспозиция музея.

Музеи Москвы и других городов присылают сюда произведения русских и советских художников. В 1930 году количество экспонатов настолько увеличилось, что из художественно-исторического музея образовались краеведческий и художественный.

Много работы у небольшого коллектива сотрудников музея: проверяют подлинность авторства, устанавливают даты создания произведений, разыскивают сведения о малоизвестных художниках. Каждый день обходят они галерею, внимательно осматривая картины: нет ли трещин, осыпей. Отбирают загрязненные или «заболевшие» картины — на промывку и реставрацию.

Приходят экскурсии, и научный сотрудник Татьяна Павловна Щеглова ведет посетителей по залам музея, давая подробные объяснения, рассказывая об основных этапах русского и западного искусства.

Особый интерес у посетителей всегда вызывают произведения русских живописцев.

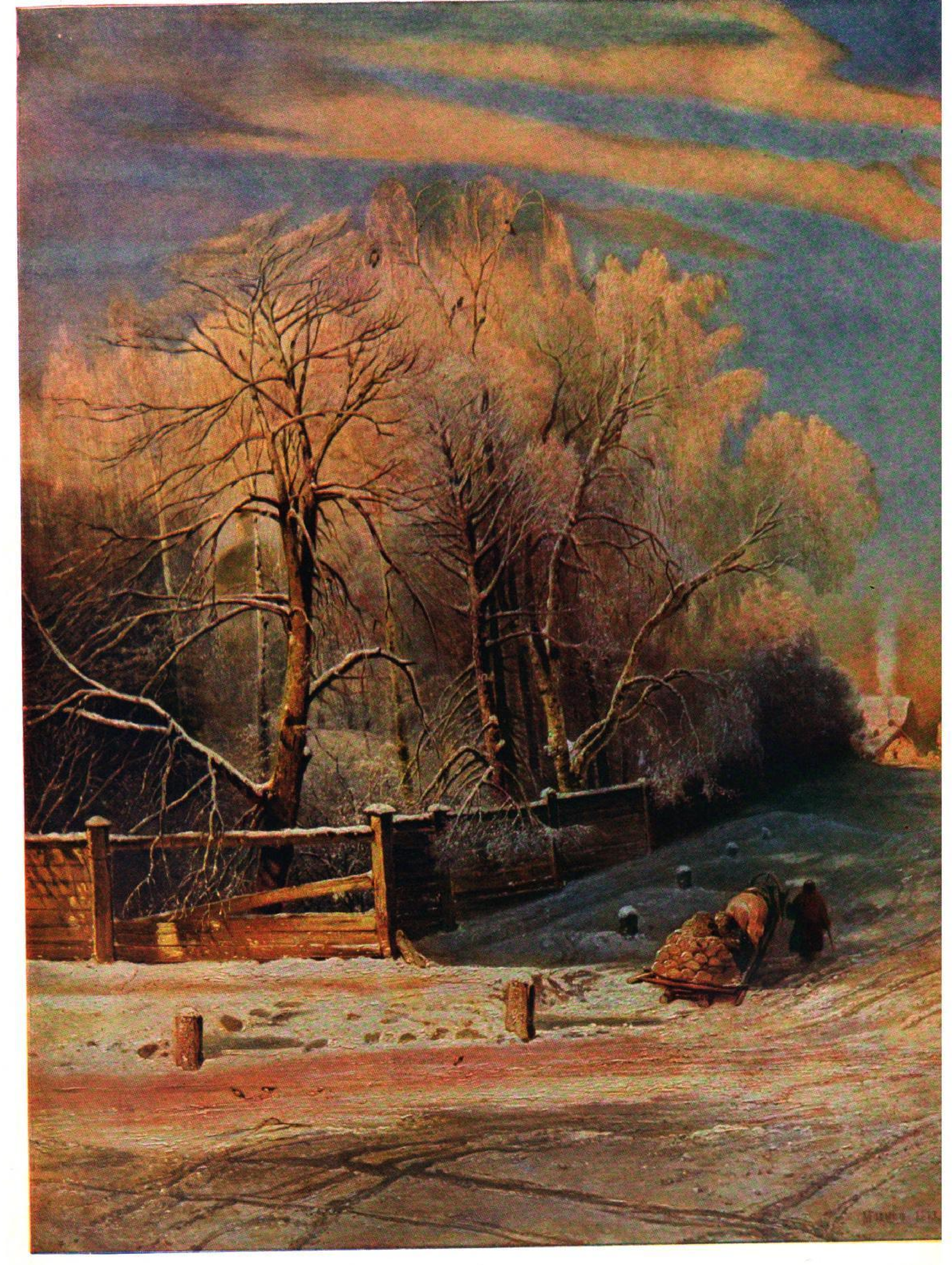
В небольшом зале на втором этаже, с которого начинается осмотр картинной галереи, экскурсанты обычно задерживаются у «Портрета живописца», созданного В. А. Тропининым в 1825 году. Сколько жизненной правды в этом произведении, согретом талантом художника и его большой любовью к людям!

Портретная живопись представлена в экспозиции и другими замечательными работами. Легкая грусть в глазах, чуть тронутые улыбкой губы делают необыкновенно живым милое лицо девушки, написанное уроженцем Рязани Н. Е. Ефимовым.

Сложную и трагическую биографию слепого можно прочитать в портрете, созданном правдивой кистью В. Г. Перова.

Произведения, выставленные музеем, дополняют наши представления о творческих методах различных художников. Наброски И. Н. Крамского, этюды И. Е. Репина к картине «Арест пропагандиста» и В. И. Сурикова к «Боярыне Морозовой», акварельный эскиз К. А. Савицкого «Постройка железной дороги», показывая счастливый талант художников, умевших быстро и легко создавать достоверные, убедительные образы, говорят в то же время об их высокой требовательности к себе, большой подготовительной работе при создании сложных композиций.

Местные жители заслуженно гордятся своим земляком — талантливым пейзажистом и жанристом Я. Я. Калиниченко. Здесь находятся два его произведения. Опершись руками о колени, задумчиво глядя в огонь, сидит около печки девушка. Через открытую дверь в другую комнату видны узкая железная кровать, простой стол с бумагами и чернильницей. Нелегкую трудовую жизнь ведет эта одинокая молодая женщина, — вероятно,



А. К. Саврасов [1830—1897]. ЗИМНИЙ ПЕЙЗАЖ. 1873.



Я. Я. Калиниченко (1869—1938). ПЕРЕД ОБЫСКОМ. 1905.

сельская учительница,— запечатленная в картине «Думы у печки».

Второе полотно Калиниченко, «Перед обыском»,— тщательная авторская копия (оригинал находится в московском музее Революции). Его особенно любят посетители музея, о чем свидетельствует множество записей в книге отзывов; любят не только за мастерство исполнения, но главным образом за глубокую мысль, вложенную в картину автором. Случайная мебель, окно без занавески (очевидно, хозяина мало заботит уют), на стене висят репродукции картин. Выбор картин (Репин и Ярошенко), предметы на рабочем столе раскрывают вкусы, интересы и занятия героя, которого художник застал в тревожные минуты. Нет ни растерянности, ни страха в его фигуре и лице. Спокойный, собранный, он сжигает бумаги, которые не должны попасть в руки жандармов. Этот человек уверен в правоте своего дела. Картина написана мужественным и честным художником-гражданином в 1905 году.

Широко представлены полотна известных русских пейзажистов. А. К. Саврасов любил писать подмосковные, полные лирического очарования пейзажи. Деревья в инее, воздух, затуманенный морозом, так мастерски написаны в «Зимнем пейзаже», что кажется, слышишь поскрипывание полозьев по снегу.

Лирическим раздумьем наполнено произведение И. И. Левитана, выставленное в музее. Небольшая речушка, деревья вдали, легкие, как бы светящиеся облака и отражение их в спокойной воде — все это передано художником в мягких, светлых красках. Живописец запечатлел природу затихшей, спокойной. Это небольшое полотно, дата написания которого не установлена, близко по настроению к работам, созданным после второй поездки Левитана по Волге — в 1888 году, когда он находился в полном расцвете творческих сил («Золотой плес», «Вечерний звон»).

Поразительна свежесть передачи природы в картине А. Н. Шильдера «Ранней весной». Всмотришься — и будто видишь движение согретого весной прозрачного воздуха, легкое колебание холодной, только что освободившейся ото льда воды.

Сочный, напоенный солнцем пейзаж, розоватые облачка и их почти прозрачные, бегущие по земле тени, знойный воздух летнего дня, опустевший в рабочие часы хутор — все это наполняет картину А. А. Киселева радостным и трепетным ощущением жизни.

«Ростов» К. Ф. Юон написал в одно из многих путешествий по России. О своих странствиях сам он говорил: «Множество памятников архитектуры, собранных в богатейшие красочные ансамбли в лучах блестящего солнца, с живой, пульсирующей у их подножья торговой и деловой народной жизнью, давали искомую радость глазу и питали радостное чувство бытия».

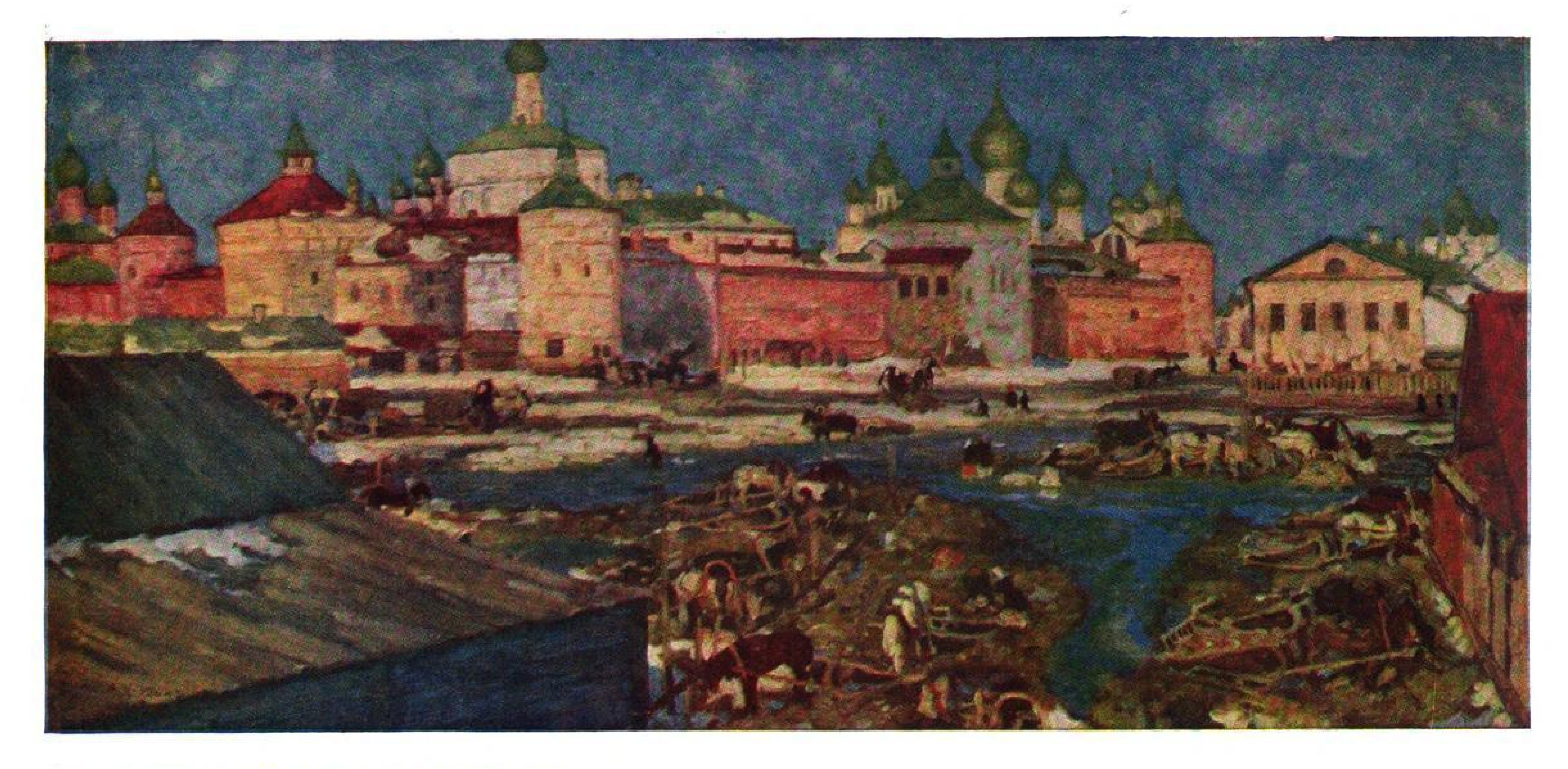
Рассказывая о Рязанском музее, нельзя не вспомнить произведений уроженца этого города — большого художника А. Е. Архипова. Замечательные своей жизненностью и простотой картины «Лед прошел», «Жница», повествующая о тяжелом женском труде, и яркий по колориту, выполненный в свободной живописной манере портрет крестьянки украшают галерею.

Советское искусство в музее не нашло достойного отражения. Правда, есть здесь работы В. Бялыницкого-Бирули, В. Сварога, М. Куприянова, П. Крылова и Н. Соколова, Ф. Шурпина, Б. Яковлева, но подбор их случаен, не раскрывает глубоко творчества этих художников.

В советском разделе немало картин рязанских художников: «Отчет пионервожатой на педсовете» В. Е. Куракина (картина воспроизводилась в «Огоньке» № 3 за 1953 год); «Заливные луга рязанские» Г. Н. Ракова, экспонировавшиеся на республиканских художественных выставках; эскизы театральных декораций И. П. Веселкина (ныне аспиранта ленинградской Академии художеств); небольшие работы маслом — «Дворик», «Чужой», «Баррикады за валом», «Надолбы» — директора местного художественного училища А. В. Сырова. Много и плодотворно работал А. В. Сыров во время Отечественной войны. Вместе с организованной им группой художников он создавал политические плакаты, выставлявшиеся каждую субботу на центральной площади Рязани.

Художественный музей в Рязани хранит подлинные сокровища национальной культуры. Книга отзывов заполнена благодарными записями, и единственный упрек, который встречаешь на страницах этой книги,— мало работ известных советских художников.

Н. СВЕТЛОВА



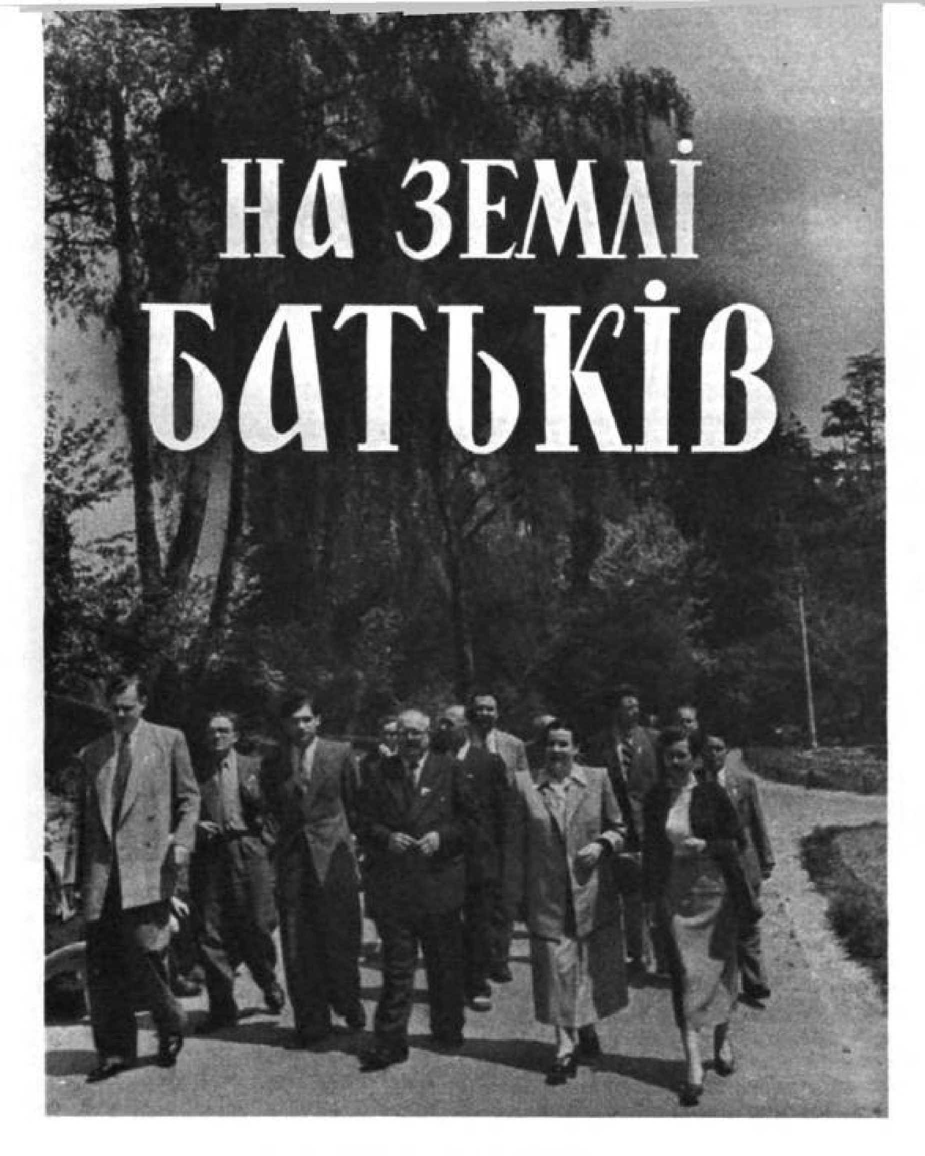
К. Ф. Юон (род. в 1875 г.). РОСТОВ ВЕЛИКИЙ. 1906.

И. И. Левитан (1861—1900). РЕКА.

А. Н. Шильдер (1861—1919). РАННЕЙ ВЕСНОЙ.

А. А. Киселев (1838—1911). ПЕЙЗАЖ. 1899.

НА ЗЕМЛІ БАТЬКІВ



В Стрыйском парке во Львове.

З. ХИРЕН

Фото Д. Мулярчука.

Наши гости — делегаты Товарищества объединенных украинцев Канады — уверяли нас, что и в Квебеке, и в Манитобе, Саскачеване, Альберте, — словом, в любом уголке Канады от Атлантического до Тихого океана, можно услышать украинскую речь, украинские песни. Мало того, если хорошенько поколесить по стране, то в пути обязательно попадутся и белые мазанки, и плетни, и глечичок на плетне, и пышный бузок будет ласково нам кланяться. А случится сесть в поезд, идущий из Виннипега в Дауфну, кондуктор попросит предъявить квиток. Так и скажет: квиток! Не билет или еще как-нибудь иначе, а обязательно квиток. Почему? Да очень просто. Можно тут двести миль проехать, а в вагон будут садиться одни украинцы, и селения встречаются с такими, например, названиями, как Стрый, Тернополь и даже Киев. А вот в Альберте есть город «Мирнам». Произносят как одно слово, так и пишут. Но не бойтесь: попадется оно на глаза какому-нибудь Грицько или Василю, пусть даже только в школу ходить начал, а напишет как следует. Возьмет в руки олівець — карандаш, значит, — и напишет: «Мир нам!» Дурныця, скажете, пустяк, а душа радуется. Родился тот Грицько где-нибудь на побережье Атлантического океана, да и батьки его там же родились, а родную мову дедов своих знают, берегут и детей своих к этому приучают.

Воздвигли несколько лет тому назад неподалеку от Торонто, в Палермо, памятник Тарасу Григорьевичу Шевченко. Рядом домик поставили — музей. Участок земли для этого канадские украинцы сами покупали, в складчину. Так вот, поглядели бы, сколько тут было хлопот, споров. А как же! Всем хотелось, чтоб Тарас наш на видном месте в Канаде стоял, чтоб за сто миль все его видели. На открытие памятника сорок пять тысяч человек собралось. Целые горы цветов сложили, но дороже всего были четыре вербочки: с самого Днепра их привезли, из Канева, с той самой кручи, горы Чернечной, где покоится тело великого кобзаря. Теперь, как суббота, все идут и идут люди в Палермо. Приходят жители не только украинского происхождения. Решили наши парни: надо, чтобы все в Канаде узнали великого украинского поэта. Взяли да и перевели на английский язык «Реве та стогне Дніпр широкий». Прочитали канадцы, оказывается, что и по-английски шевченковские слова звучат здорово.

А вспоминали обо всем этом наши гости уже у нас, на Украине, в погожий майский день в Каневе, на Чернечной горе, на могиле Тараса Шевченко. Там же над Днепром, возможно, и мать тех четырех маленьких вербочек, что в Палермо стоят, отыскали. И такая была минута, когда вдруг все делегаты умолкли. «Тише, тише!» Все к чему-то прислушиваются. Где-то зозуля прокуковала.

— Вот теперь дома, — произнес кто-то, — сорок лет настоящей зозули не слышал.

Кто они, эти люди, приехавшие из Канады посмотреть на землю своих отцов?

Мы едем из Львова в Тернополь. Позади остались Москва, Сталинград, Харьков, Киев, Канев, Переяслав Хмельницкий, празднества трехсотлетия воссоединения Украины с Россией, юбилейная сессия Верховного Совета УССР, с трибуны которой выступал руководитель делегации секретарь-казначей Товарищества Иван Павлович Бойчук. Теперь Иван Павлович сидит рядом с шофером. Машина мчится в сторону родного его села Могильницы, Будановского района, откуда Бойчук сорок с лишним лет тому назад с тощей котомкой за плечами отправился за океан, в чужую сторону, искать счастья. Тогда ему было лет двадцать, а сейчас — седой старик. Целая жизнь прошла. Сколько добра можно было бы за эти годы сделать на родной земле, да вот беда, земли-то ни клочка у него тут никогда не было. Пошел он в портные, но на кусок хлеба не мог заработать. Отец продал единственную корову и купил сыну билет до Канады.

Вместе с Бойчуком едут на Тернопольщину и другие члены делегации. Иван Андреевич Дубно из Ванкувера, в прошлом, как и Иван Павлович, портной, работал на швейной фабрике где-то неподалеку от Львова. Он моложе Бойчука. В Канаду эмигрировал двадцать семь лет назад. Сейчас Дубно — секретарь Товарищества в Британской Колумбии. Он разъезжает с кинопередвижкой по побережью Тихого океана, показывает новые картины фермерам и лесорубам.

— Если будете в наших краях, — сказал мне однажды Иван Андреевич, — обязательно заходите к нам, покажу вам настоящую Канаду. Поедем с кинопередвижкой по фермам и лесосекам... Приезжаю, например, как-то я в одно селение, а там ни живой души, некому картины показывать. Двери и окна домов настежь раскрыты; оказывается, все население покинуло околицу: нечем было кормиться, земля отощала. В другом районе сломалась машина, пришлось заночевать в хатенке лесоруба. Света электрического нет, коптилка, маленькая печурка. Хозяин оказался гостеприимным, из украинцев, пригласил вместе почаевничать. Поставил воду греть, а сам куда-то вышел. Часа три не возвращался. В полночь приходит. «Ну, — говорит, — теперь и чайком можно побаловаться». «Где ж вы так долго были?» — спросил я у него. «За сахаром ходил к соседу», — ответил хозяин и разжал кулак, а там несколько грудочек сахару.

Еще Иван Андреевич вспомнил, как повстречал людей, которые 35 лет тому назад приехали из Украины в Канаду, поселились в лесах и с тех пор из тех лесов не выходили. Ни слова по-английски не знают и не пытаются узнать. Как приехали, поселки переименовали, дали им названия тех сел на Украине, где родились.

Утром, пока другие делегаты знакомились с Львовским университетом, Иван Андреевич съездил в родное село Заречье, что неподалеку от Золочева. Сейчас мы вновь проезжаем те места.

По обе стороны дороги колышется жито. Вдали, у подножия холма, виднеются новые постройки машинно-тракторной станции, шумят в садах молодые деревья, а сразу за садом, что на склоне горы, школа стоит. Иван Андреевич **уже успел утром побывать и там. Возле школы племянника встретил. Бойкий хлопец. Ивану Андреевичу не пришлось много учиться, а племянник десятилетку окончил. Председатель сельсовета — тоже родич — все жаловался, что не хватает времени на учение.**



— Ой, братику мой, ой, Иване...

— С кем ни поговоришь,— смеется Дубно,— у всех на уме одно — учение и учение. Вчера во Львове в Стрыйском парке гуляли, а там на каждой скамеечке молодые люди с книжками и тетрадками сидят. В одну книжку заглянул — математика, в другую — химия, в третью — история. Словом, все факультеты увидел. В Ванкувере такого не бывает, просто там столько народу не учится.

С этим соглашаются все пассажиры нашей машины и тут же вспоминают утреннюю встречу со студентами и профессорами во Львовском университете.

— Вы, Иван Андреевич, не ездили с нами сегодня в университет. Многое потеряли,— замечает Иван Павлович Бойчук.— Посмотрели мы там аудитории, книгохранилище, ботанический сад, и всюду наши селяне. Студенты — селяне, профессора — селяне. Познакомились мы там с одним гуцулом, молодой паренек, Дмитро Павлычко зовут его. Он аспирант, пишет стихи. Одно стихотворение прочитал, «Моим ровесникам в Канаде»,— расцеловать хотелось хлопца. Да мы и расцеловали его.

Иван Андреевич слушает, а сам все поглядывает в окно машины: боится, наверное, пропустить что-нибудь.

— А вот смотрите: возле клуба витрина! — кричит он.— Это доска почета. Там выставлен портрет сына моей сестры. Сам видел!

Машина мчится по асфальтированному шоссе. Иван Андреевич по этому поводу вспоминает, что в его времена тут дорога была булыжная. На горке лес. И по поводу леса есть у него замечания. Принадлежал он прежде Шептицкому. Бывало, крестьяне пойдут хворост собирать, а их за шиворот да в полицию. «Не воруйте,— говорили им,— это хворост божий...» А вот село за горкой виднеется. Там, имейте в виду, ни у одного крестьянина своей земли прежде не было. Сейчас колхоз, и добрый колхоз. А вот за углом то самое распятие, на которое мы в детстве крестились.

— Само собой,— вставляет сосед Ивана Андреевича, пожилой человек в очках, синем костюме и яркокрасном галстуке. Это Петро Степанович Карпиш из Порт-Артура, есть в Канаде и Порт-Артур.— Все-то ты, Иван Андреевич, знаешь, все ты бачил, а вот вчера пришли в театр во Львове, а ты и не знаешь, где там двери, куда входить.

И правда ведь! Полжизни прожил Иван Дубно возле самого Львова, а в театре львовском впервые только вчера был.

— Грошей, Петро Степанович, не было. А ты много по театрам ходил в молодости?

— Само собой,— не то соглашается, не то возражает Карпиш,— у нас в Кобыловолоках театра не было, куда же мне было ходить? А ты-то львовский.

О Кобыловолоках мы за эти дни много узнали. Послушаешь Карпиша, и выходит, что чуть ли не вся Канада из Кобыловолок происходит. Кобыловолоки — его родное село, куда он сейчас едет. Это неподалеку от Могильницы. С Бойчуком они были почти соседи. Там у Карпиша отец, брат, большая родня.

О чем бы ни шла речь, Карпиш обязательно выберет удобный момент, чтоб вставить свое «само собой».

Теперь, после перепалки о театре, Петр Степанович, поднеся указательный палец к переносице, сильно трет ее и о чем-то напряженно думает. Лицо у него стало суровым, очки съехали.

Петр Степанович живет в сердце канадской житницы. Сейчас внимание всех канадцев приковано к самому большому озеру в стране, близ которого должно начаться строительство морского пути. Стройка дала бы работу десяткам тысяч рабочих и инженеров Канады, а безработных сейчас там уйма. Люди от Галифакса до Ванкувера рассчитывали на эту работу. Но Америка все забирает в свои руки, хочет, чтобы морской путь проходил по ее территории. Петр Степанович тут же вспомнил свое посещение Волго-Донского канала.

— Пять морей у вас соединили, а таких проблем ни у кого не возникало. Народ — хозяин своей жизни. Это не Канада!

— Десять лет я был в Канаде безработным,— сказал мне вчера Карпиш,— и я знаю, что это значит. Бывало прежде, начнут с осени пшеницу возить с элеваторов, так до самого нового урожая не перестают. Представляете себе, сколько там зерна было! Сейчас его еще больше, а повсюду тишина. Рабочих с элеватора увольняют, железнодорожников увольняют. Хлеб не вывозят. Почему? Опять Америка свою лапу наложила. С Индией, говорит, не торгуйте, с Китаем не торгуйте, с Советским Союзом не торгуйте, со странами народной демократии не торгуйте. «А с кем же можно торговать?» — спрашивают наши фермеры...

* * *

С нами в машине еще два делегата: Роза Биленс из Садбери (провинция Онтарио) — центра никелевых рудников Канады — и Юрий Васильевич Соломон из Альберты. Оба они родились в Канаде. Но ни по говору, ни внешне их ничем не отличишь от наших украинцев. Роза Биленс — моложавая хрупкая женщина в очках. У нее уже двое детей. Старший сын, Грицько, собирается пойти учиться в университет.

— Да грошей нема,— горько улыбается Роза.

Юрий Васильевич — высокий, довольно плотный мужчина лет сорока — сорока пяти. Он провинциальный секретарь Товарищества в Альберте. Работает преимущественно среди фермеров, о них больше всего и печется.

— То, что я хочу вам рассказать о своем деде,— начинает он,— ничем не отличается от истории остальных украинцев, переселившихся когда-то в Канаду. Знайте, украинцы шли на те земли, которые до того никому не под силу было обработать. Виннипег теперь у нас считают «золотыми воротами Запада», Манитобу — «житницей Канады», и всякое такое. А я вот что вам скажу: если бы не наши украинцы, не было б ни тех ворот, ни той житницы, потому что кто не знает, что самые знаменитые хлеборобы на всем свете — это наши селяне! Мой дед пришел в Канаду из Борщевского района. Это вот туточки, неподалеку от Тернополя. Думал зажить по-человечески. Так вот, послушайте, что из этого вышло.

Оттого ли, что мой собеседник страдает одышкой, или от сильного волнения, охватившего его в эти минуты, но голос звучит у него все трагичнее и трагичнее.



— Вы все мне самые родные!

— Тамошние жители далеко от линии железных дорог не уходили, а такие, как мой дед, украинцы, не разгибавшие спины на строительстве этих дорог, построив их, шли дальше, шли через Скалистые горы, через леса, долины, до самого Тихого океана. Жили в лесах, в землянках. Летом мужчины уходили в батраки, а женщины и дети оставались дома, в лесах. И вот, когда наступала осень, мужья возвращались «зайцами» домой. Денег на билет не было. Каждый грош берегли, чтоб пару волов купить. И какое это было счастье, когда пригоняли первого вола! Привязать его не к чему было: в землянках жили. Разве только кол в землю вбить и привязать к нему на веревке животное. Потом опять наступало лето, и опять мужчины уходили на заработки. Но вот уже и хозяйство небольшое есть, и землица, и урожай первый сняли. А где его смолоть? Плелись пешком за сорок миль до местечка, где мельница была. А потом пешком с мешками муки на плечах возвращались к своим женам и детям. Путь к мельнице лежал через болота; волы по самое пузо проваливались.

Дети росли без школ, о букварях никто не слыхал. Да откуда им было взяться, когда и отцы сами никогда тех букварей в глаза не видели? Так жили и всё думали, как бы еще кусок земли приобрести. Потом канадцы стали нарезать большие площади, продавали заочно. Все кинулись покупать. Придут наши люди на участки, а там не земля, а несчастье одно: пни, камни, опять леса и болота. Иногда целое поколение трудилось, чтоб освоить ту землю. Теперь-то там цветущие поля, знаменитая на весь мир канадская пшеница. Но говорю вам еще раз, всего этого наши украинцы добились...

Потом пришел 1929 год. Начался кризис, не обошел он и нас, украинских селян; не мог человек заплатить налог — забирали у него те самые цветущие поля. Был такой момент, когда более ста тысяч наших хлопцев, покинув дом родной, носились «зайцами» по



Старые приятели. Слева направо: Петро Худый. Иван Бойчук. Иван Молощук.



всем железным дорогам Канады в поисках работы. А где ее было взять?

Во время второй мировой войны потребность в пшенице возросла. Ну, и наши фермеры обзавелись, как тут говорят, механизацией. Компании отпускали сельскохозяйственные машины в кредит и в рассрочку. По всем провинциям шныряли агенты. Долгов набралось больше, чем можно оплатить. Но не унывали, все надеялись на лучшие времена. Война кончилась, а лучшие времена не наступили. Гляжу я, уже есть все приметы новой беды, что надвигается на фермеров. Что-то очень все похоже на 1929 год! Фирмы кинулись долги собирать, а платить нечем. Зерно наше никому не нужно. Вот, слышали, Карпиш что рассказывал: ломятся у них в Порт-Артуре, в Форт Вильяме каморы от зерна, а никуда не вывозят.

...К вечеру полил сильный дождь, и мы заночевали в Тернополе, а рано утром вновь пустились в путь. В Буданнове, районном центре, разбились на две группы: Карпиш и Соломон поехали в Кобыловолоки, а Бойчук вместе с Дубно и Розой Биленс — в Могильницы.

* * *

Теперь наступила очередь Ивана Павловича Бойчука рассказывать о достопримечательностях своих родных мест. Мы приближались к Могильницам.

— Теребовля! — радостно воскликнул Бойчук, когда мы проехали небольшое, утопающее в зелени селение.— Тут я учился на портного.

Село Довге... Довгим его назвали потому, что оно тянется в длину на несколько километров.

— Сюда,— смеется Бойчук,— мой батько деньги ходил одалживать. С вечера уйдет, а под утро возвращается. Мать спрашивает у него: «Где ты пропадал?» «Так я же в Довге ходил деньги одалживать»,— отвечал он.

Но вот на горбылях зеленых, на кручах среди кустов сирени показалось село Могильницы. Нет, тут уж Ивану Павловичу не сидится в машине! Он просит остановить ее и в село идет пешком. Ему хочется самому разыскать свою хату. У него, говорит он, там есть верная примета. Мальчишкой он возле хаты дерево посадил — молоденькую липу. И вот, действительно, на пригорке забелела хата, а возле нее огромное, закрывшее ветвями почти всю крышу дерево.

— Вот она, липа моя! Туточки! — произносит с волнением Бойчук и поднимается по скользкой после дождя крутой тропке.

В хате встречает его молодая женщина, а рядом с ней девушка лет семнадцати. Женщина любезно здоровается с Бойчуком.

Бойчук внимательно осматривает горницу. Но вот сюда вбегает маленькая пожилая женщина. Какое-то мгновение она молча смотрит на Бойчука и затем с криком: «Ой, братику мой, ой, Иване!» — кидается к нему.

Это и была сестра Ивана Павловича — Марийка...

Немного попозже, когда обо многом уже поговорили, Бойчук сказал:

— Какой маленькой стала наша хата, Марийка! А я ведь еще помню, как глину таскал, когда ее строили, и дерево узнал свое на пороге. Вот оно выросло, великое дерево, его теперь и не узнаешь.

Сестра надела фартук и хлопочет возле печи.

— А ты, Иван, как к нам сюда ехал? Через Ясеню или Довге? — спрашивает сестра таким тоном, словно Канада и лежит между этими двумя селами.

Иван Павлович снял пиджак и склонился над чемоданом.

— А я тебе, Марийка, панчохи привез,— объявляет он и достает подарок.

— А вареники ты, Иване, давно ел? — спрашивает, в свою очередь, сестра, разглядывая обнову.

Но тут народ стал собираться. Пришел Петро Бойчук с сыном-учителем, вбежала разбитная молодуха с дочкой. За окном, опираясь на сучковатые палки, почти по-военному промаршировали два старика в шляпах, в очках. Один высокий, другой ростом пониже. Остановились у порога, а дальше не идут. Их зовут в дом, а они ни с места. Пусть хозяин выходит сам. Иван Павлович направился к ним. То оказались закадычные друзья детства Бойчука, друзья его юности Иван Прокофьевич Молощук и Петро Алексеевич Худый. Как описать такую встречу, где найти для этого нужные слова и есть ли такие слова на свете?

И вот друзья уже сидят за столом. Бойчук наливает вино.

— Слухай, Иван, я горилки пить не буду. Давайте лучше песни спивать...

Звенят песни...

Набилась полная хата народу, а на дворе, на горбылях, на дорогах все село собралось. Предложили обедать в более просторной хате, но Марийка запротестовала:

— Мой брат, так пусть ест в своей хате!

С трудом уселись за длинный стол. Рядом с Бойчуком Иван Прокофьевич Молощук, Петро Алексеевич Худый, Роза Биленс, Иван Андреевич Дубно. Только сестру Марийку никак к столу не зазовешь. Она все у печки хлопочет.

Бойчук, когда выпил, сказал:

— Хорошо бы сейчас пироги с маком поесть! Вот уже сорок один год, как не едал.

— А что,— озабоченно спросила сестра,— там у вас, в Канаде, маку нема?

— Мак-то есть,— смеется Бойчук,— да макитры нема.

Теперь и Марийка засмеялась.

— Макитры нема,— повторила она в раздумье и тут же за чем-то полезла в сундук.

— Чего ты, Марийка, вдруг в скрыню полезла? — спрашивает у нее брат.— Лучше б за стол села.

А Марийка не слушает, копается в сундуке. И вот достает большой старомодный утюг. Поднимает его и спрашивает:

— Узнаешь, Иван?

— Нет,— отвечает Бойчук,— что-то не вспомню.

— Срам один, срам, а еще швец, портной. Так то ведь тот самый утюг, что батько тебе купил, когда ты на портного выучился.

— Ого! — растерялся Иван Павлович.

Иван Павлович достает посылки, которые там, в Канаде, украинцы просили передать родственникам. Пожилая женщина разглядывает вечное перо в кожаном футлярчике, переданное ей Бойчуком: перо старенькое, теперь, пожалуй, ни один наш школьник не стал бы такого покупать. Видно, тот, кто прислал его из-за океана, сам редко пользуется пером. Скорее, он, как тут говорят, ставит крест там, где положено расписываться. Показали мне и другие посылки. Почему-то в них всего чаще были головные платочки, простые, деревенские, были и отрезы на платья, башмаки. По этим подаркам нетрудно было догадаться, что тем, кто прислал их сюда, не очень-то сладко в Канаде живется.

А Иван Дубно, как всегда, торопится поделиться впечатлениями. Он стоит тут же, рядом.

— Вот, честное слово, главного-то вы не заметили, а я смотрю всем на ноги, в фабричной обуви ходят, куда постолы девались, лапти кожаные...

Но не об этом хочется сейчас думать. Канада тут, в Могильницах, не просто географическое понятие, а напоминание о самом страшном, самом отчаянном времени, когда ежедневно в этих краях разбивались десятки и сотни семей. Говорили тогда об этом немного грубовато, но точно: «Не бойтесь, пес не бежит от калача, пес бежит от бича!» Уходили на край света, продавали все до последней нитки. А провожали в Канаду, как на кладбище: плач стоял великий, бабы голосили. Да и бывало так, что проводят человека в Канаду, а он, еще и не доехав туда, «овец пасти пойдет» — это значит, что уже в дороге тело его мертвое в море кинут.

— Ты, Иван, должен посмотреть на наш клуб! — кричит чуть подгулявший Молощук.

— А в МТС, Иван, поедем? — допытывается Худый.

И ведь правда: за столом оставаться больше нельзя. На дворе все село стоит, нужно к людям выходить. Поднялся Иван Павлович, а за ним все.

— Сорок один год прошел с того утра,— начал Бойчук,— когда отец мой продал последнюю корову и сказал: «Иди, сын, ищи счастья». Ушел я за океан, в Канаду. Лес мы там, украинцы, рубили, пни корчевали, болота осушали, годами безработными ходили, без гроша в кармане — все счастье искали и не находили его. Так и не нашли. Тут, в Могильницах, я был молодым хлопцем. И вот Худый Петро Алексеевич, Молощук Иван Прокофьевич тоже были тогда парубками. Бывало, соберемся и думаем, как нашу крестьянскую долю поправить. Думали, а ничего не придумали. Сделала это Советская власть. Дала вам всем новую, счастливую жизнь. Я тут среди вас сейчас, как чужой человек, многие меня не узнают, многих и я узнать не могу. А все-таки вы все мне самые родные!



ТУРИСТЫ

Рассказы

Сергей НИКОЛАЕВ

Рисунки В. Климашина.

Прыжок

Группа американских туристов осматривала один из старинных дворцов великого могольского правителя Акбара.

Этот дворец расположен в окрестностях древнего города Агры, и к нему ведет неплохая шоссейная дорога. Машины остались внизу, ибо толстые стены и узкие лестницы не позволили въехать во двор.

Шаркая подошвами по отполированным, но запыленным плитам, янки нехотя плелись за гидом-индийцем, словно отбывали скучную повинность. В этой стране их привлекала не красота, а возможность разогнать скуку. Однако от постоянной жары скука только усилилась. Панорама дальних холмов задернута дрожащей кисеей горячего воздуха.

— Меня предупреждали,— лениво пробормотала потная американка,— но это неправдоподобно. Неужели это называется у них осенью? Хочется по-собачьи высунуть язык.

Кругом застыли почти не тронутые временем памятники могольской архитектуры.

— Акбар был передовым правителем. Он дал простор творчеству людей различных рас и верований,— объясняет молодой худенький гид в очках.— Вы видите перед собой сочетание многих стилей в одном. Акбар даже создал единую религию для всех национальностей государства.

— Как коктейль,— авторитетно заявляет молодой американец, сонно пяля голубые глаза на мраморные стены молочного отлива, инкрустированные розовым и желтым мрамором.

Один из туристов щелкает лейкой.

Воздух наполнен зноем до краев. Камни внутреннего дворика так раскалены, что до них невозможно дотронуться. Но стены настолько массивны, что во внутренних проходах от плит веет прохладой, и если бы не вековой слой грязи, то к ним хотелось бы прижаться щекой.

— Трещина на этой черной могильной плите есть след ядра, попавшего сюда при осаде,— монотонно гудит голос гида, от внимания которого не укрывается то, что его почти не слушают.

Туристы-мужчины следуют за индийцем, еле-еле передвигая длинные волосатые ноги, торчащие из коротеньких серозеленых штанов. У многих на лбы надвинуты белые пробковые шлемы. Женщины движутся, вихляясь, декольтированные спины их сутулятся. Некоторые американки обнажены до пояса и вместо бюстгальтеров перетянуты косынками. Белые полотняные юбки открывают щиколотки, пальцы торчат из ременных сандалий. От ожогов солнца женщин защищают зонтики. На глазах туристов темнокоричневые очки.

В группе туристов скучает рано состарившийся молодой человек в белой расстегнутой до живота рубашке, волосы у него топорщатся ершиком. Это представитель чикагской торговой компании в Индии. Через короткие промежутки времени он повторяет, как попугай:

— Индию я знаю. Эту крепость я тоже видел. Ничего интересного.

Ему каждый раз одно и то же отвечает курносая американка с квадратной сумкой подмышкой:

— Билл, дайте же нам возможность самим убедиться в этом.

Они прошли мимо маленького бассейна, в который низвергается белый мраморный каскад, украшенный раковинами из нефрита. Некогда он служил ложем для воды, которая оставила по себе память в виде темнозеленых подтеков на каменных складках.

Вода... Мысли о ней сейчас появляются невольно.

А вот и вода, если так можно назвать то, что скопилось в крепостном рву во время ливней и похоже скорее на зловонную, гнилую жижу. Кажется, что по ее зеленой поверхности можно даже пройти. И, тем не менее, здесь, в пустыне, она радует глаз своим блеском, который является признаком жизни. Над водой по одну сторону высится крепостная красноватого оттенка стена с пятиэтажный дом, по другую — желтоватый голый склон, усеянный развалинами, происхождение которых еще не объяснено гидом.

Американцы остановились у рва, поджидая отставшую супружескую пару. Вдруг со стены раздался чей-то крик. Все задрали головы вверх. На стене, крепко опершись расставленными ногами о зубцы стены, бесстрашно наклонившись вперед, стоял седой индиец и размахивал рукой.

Мгновение — и, сделав сильный толчок, он полетел с высоты вниз ногами. Женщины взвизгнули, а молодой американец с голубыми глазами открыл рот. Как вихрь, прыгун пронесся в воздухе и с шумом ударился о воду. Его седые взметнувшиеся волосы исчезли в зеленых брызгах...

Через некоторое время он появился на поверхности, подплыл к берегу и вскоре стоял перед туристами целый и невредимый. Хотя смельчак только что выкупался в гнилой жидкости, капли которой сбегали по его телу, вид его был замечателен.

Небольшого роста, коренастый, он выглядел моложе тех шестидесяти лет, которые, как оказалось, прожил на свете. На лице, покрытом чуть заметными оспинами, светилась улыбка, открывавшая крепкие зубы. Взгляд был ясен, приветлив и, казалось, говорил: «Не правда ли, я неплохой прыгун? У нас в Индии есть чем удивить иностранцев».

Вокруг него раздавались удивленные восклицания, молодой голубоглазый американец так и застыл с открытым ртом. Один из янки досадливо бормотал приятелю:

— Никто мне не поверит без снимка. Кто мог подумать, что он выкинет такой номер?

Курносая американка хохотала над озадаченным Биллом:

— Что вы скажете, мистер знаток? Это же настоящий аттракцион!

Гид сказал туристам, что старику следует заплатить, потому что у него большая семья. Старик еще в детские годы научился прыгать с большой высоты в воду и зарабатывал этим несколько рупий для своих родителей и многочисленных братьев и сестер.

Тем временем подошла отставшая супружеская пара.

Курносая американка обрушила на подругу град восклицаний:

— Мэри! Дорогая! Что ты пропустила! Даже Билл не видел этого раньше!

А потная американка солидно подтвердила:

— Пожалуй, это было самое щекочущее нервы...— но от лени не закончила фразу.

Настроение у молодой жены было испорчено. Она тут же заявила мужу, что всему виной его излишняя медлительность, и потребовала повторения прыжка. Ее поддержал незадачливый фотограф, не сумевший сделать редкий снимок, а за ним и другие любители острых ощущений.

Пусть прыжок будет повторен!

Старик-прыгун вежливо кланялся и нерешительно что-то говорил.

Сразу ставший серьезным худенький гид объяснил туристам, что смельчак уже стар, а каждый такой прыжок требует больших духовных и физических сил.

Выражение лица молодой супруги говорило, что она будет самым несчастным существом в мире, если не увидит того же, что видели ее подруги. Тогда сконфузившийся было коммивояжер из Чикаго вновь приободрился и заявил:

— Я знаю Индию.— Он похлопал молодого гида по плечу и повторил: — Я прожил здесь год и знаю, что без хорошего бакшиша он не прыгнет.

Он самоуверенно обратился к остальным:

— Я дам ему десять рупий. Все вы будете мне должны. Это для него большая сумма, и все будет о'кэй!

Он покровительственно протянул старику бумажку и сделал знак рукой: прыгай!

Старик заколебался. Видно, он думал о тех ртах, которые ждали его дома, и о черных днях, которые могут быть впереди. Туристы молча смотрели на него, Билл улыбался.

Молодой гид глядел куда-то в сторону. Его серьезное, умное лицо было безучастно, и в глазах его можно было увидеть лишь отражение стен крепости великого правителя Акбара.

Старик спросил его:

— Сын мой, ты перевел им, что я не могу больше прыгать? — и услышал лаконичное:

— Да.

Старик продолжал:

— Но они предлагают мне большие деньги, очень большие. Имею ли я право отказаться от них?

Американец-фотограф заранее наводил на стену лейку. Старик сделал нерешительное движение к Биллу и остановился.

Потом он услышал спокойный голос гида, все так же глядевшего в сторону:

— Отец! Я не имею права вам запрещать или приказывать делать что-то, так же как на это не имеют права ваши родные сыновья. Но я знаю одно: среди этих чужестранцев найдутся такие, которые не пожалеют ста рупий, если человек согласится прыгнуть со стены не в воду, а на голые камни.

В протянутой руке коммивояжера из Чикаго все так же были зажаты деньги.

Поклонившись туристам, старик медленно уходил по тропинке, которая вела к видневшейся вдали деревне.

— Кажется, он просто устал,— спокойно обратился гид к американцам, и никто из них не заметил под толстыми стеклами его очков торжествующего блеска.

Наводнения

К назначенному часу моторный катер был готов, и туристы, остановившиеся в центральной гостинице Бенареса, спустились по широкой лестнице на пристань, чтобы совершить экскурсию по реке.

По обеим сторонам лестницы на циновках сидели торговцы, поджав острые колени к подбородку и охватив икры длинными пальцами. Перед ними на лотках лежали фрукты, в больших латунных чашках горками была насыпана еда, приготовленная из риса и проса и издававшая дурманящий пряный запах.

Туристы перешли по мосткам на палубу катера и огляделись вокруг.

Вдоль всего причала, уткнувшись носами в камень, покачивались лодки, виднелись белые грибы зонтов, из-под которых выбегали купающиеся и бросались в воды Ганга.

Мотор заворчал, и катер пошел вниз по течению.

На носу катера, держа в руках блокнот, стоял средних лет американец, в белоснежной накрахмаленной рубашке, с голубой бабочкой под розовым выбритым подбородком. Его лицо лоснилось после плотного завтрака. Американец испытывал небольшое раздражение: вместо того чтобы погрузиться в удобное плетеное кресло на корме и отдаться перевариванию пищи, как это сделали его соотечественники, он вынужден торчать здесь. Почему? Потому что он, искусствовед из Нью-Йорка, который, по контракту, обязан осмотреть все храмы этого маленького Бенареса, равно как и дюжины других городов, и по возвращении написать книгу о памятниках древнего искусства Индии. У обладателя голубой бабочки и блокнота мелькает мысль, что существуют другие, более приятные способы добывания денег, нежели бесконечная тряска по чужим дорогам. Но за неимением другого... Американец настраивается на деловой лад, и его карандаш начинает бегать по бумаге.

Правый берег реки круто вздымался вверх. На его склоне высились покосившиеся пагоды розоватого цвета, похожие на громадные разрезанные половинки бананов. Вода подобралась к подножиям пагод и вкрадчиво плескалась вокруг резных украшений. Кое-где над водой торчали мокрые темные плиты: когда-то уровень Ганга был здесь значительно ниже.

Немец-инженер, находившийся среди туристов, сказал, что недавно прибрежная часть города пострадала от наводнения; вода поднялась на несколько метров, разбросала камни пристани и размыла фундаменты храмов.

Искусствовед из Нью-Йорка прислушался. Это любопытно. Пославшее его издательство рекомендовало искать старинные памятники, приходящие в упадок. Американец улыбнулся про себя. Это, между прочим, неплохо придумано. В книге должен быть прямой намек на то, что избыток специалистов и технический опыт Америки могут во всем помочь Индии. Эта глава, собственно, и будет содержать всю подоплеку книги.

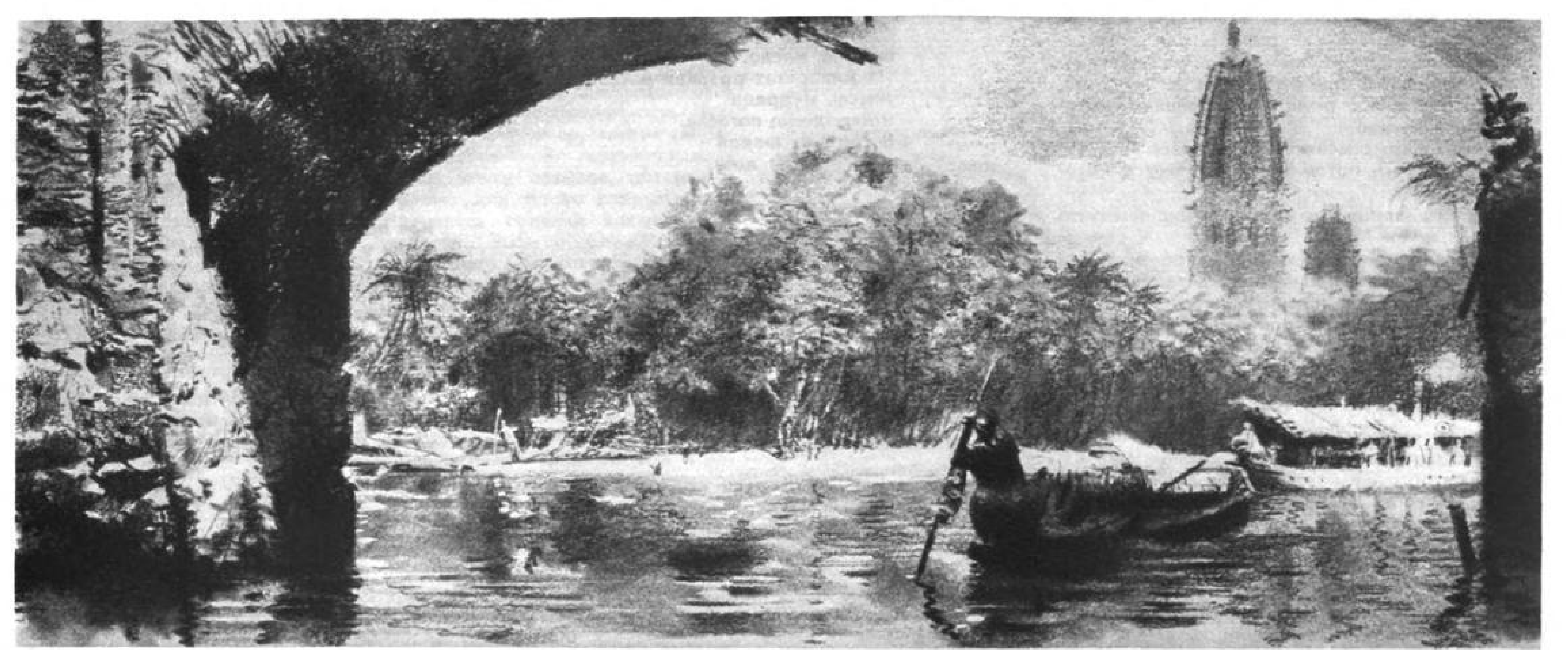
Карандаш американца вновь пришел в движение. Лицо его просияло: он выдвинет проект гидротехнических сооружений на Ганге для обуздания этой легендарной речонки. Неплохо! Ведь самим индийцам явно не под силу построить громадную плотину.

Искусствовед решает сейчас же воспользоваться тем, что среди экскурсантов находится несколько специалистов по ирригации, и выяснить у них, насколько осуществим его план. Но с кем же проконсультироваться? С немцем? Нет. Немец ему решительно не нравится. Он ко всем лезет со своими сведениями об Индии, как будто всего этого нет в справочнике, лежащем в правом кармане брюк американца. Потом немец не выражает искусствоведу должных чувств уважения как представителю страны, возродившей Западную Германию из руин. И к чему, например, инженер, ничего не смыслящий в искусстве, аккуратно и терпеливо, словно школьник, делает зарисовки в блокноте, вместо того чтобы щелкнуть перед храмами фотоаппаратом?

Искусствовед предпочитает заговорить вот с этим стройным, хорошо одетым человеком, стоящим неподалеку. Этот человек смугл и по внешнему виду похож на итальянца. Тем лучше: итальянцы тоже сталкиваются с проблемой наводнений.

Итальянец оказывается любезным и внимательным собеседником.

— Не считаете ли вы,— говорит искусствовед,— что американцам и европейцам следовало бы посылать сюда больше своих специалистов? Например, для борьбы с наводнениями. Индийцы — это милые дети, которые хорошо пашут и ухаживают за скотом, но, я думаю, у них нет знаний, которыми владеют цивилизованные страны.



Итальянец кивает головой и спрашивает:

— Под цивилизованными странами вы, конечно, имеете в виду...

— Конечно, страны промышленные.

— Да, да,— говорит итальянец.— Я вас так и понял.

— Так, например,— продолжает искусствовед,— эти прославленные храмы, мимо которых мы сейчас движемся, при следующем наводнении рискуют исчезнуть с лица земли. Их может спасти только плотина. А сооружение ее по плечу лишь нашим нациям.

Итальянец роняет в ответ, что на такой вопрос сразу не ответишь.

Катер разворачивается и идет обратно. Немец, окруженный слушателями, продолжает свои объяснения:

— Посмотрите на эти зализанные пирамиды. Они напоминают сильно обтаявшие под лучами солнца наши колючие готические соборы.

Хм! В справочнике об этом ничего не написано. Откуда немец взял это описание? Американец пробует высмеять инженера, но итальянец настроен примирительно: каждый смотрит на вещи по-своему.

Немец продолжает:

— Вот это знаменитая пагода Маникарники. По преданию, здесь упала серьга Сати, после того как ее тело было рассечено на куски диском Вишну.

Так как этого тоже нет в путеводителе, американец озадачен и больше не пробует смеяться над немцем. В конце концов его, американца, соображения по поводу пагод куда важнее! Этими соображениями будут удовлетворены деловые круги, и они поставят в тупик тех, кто кричит, что страна полосатозвездного флага стала душителем культуры.

Он стоит на носу катера, скрестив руки, как первооткрыватель неведомых земель. В его голове мелькают смутные образы миссионеров. Он представляется себе здесь исполином.

Вежливый итальянец выводит его из состояния оцепенелого восторга.

— У меня есть к вам два вопроса,— говорит он американцу.

— Конечно,— благодушно отвечает тот.

— Не кажется ли вам, что передовая промышленная нация, прежде чем избавлять земледельческие страны от стихийных бедствий, должна сделать то же самое для своих граждан? Ведь при передовой технике это сущий пустяк. Не так ли?

— Несомненно,— медленно мямлит искусствовед, чувствуя в вопросе какой-то подвох.

— Так вот, у вас на родине далеко не все благополучно с этим делом. Наводнения на Миссисипи продолжаются, а проект работ на реке Теннесси фактически отвергнут.

Американец смущен: оказывается, собеседник знает Штаты не хуже американского сенатора.

— Приятно, что европейцы следят за событиями в нашей стране,— наконец находится он.

— И второй вопрос,— продолжает итальянец.— Не будет ли естественно, если дети, занимающиеся земледелием, позаимствуют опыт у промышленных стран и своими силами справятся со всякого рода наводнениями, угрожающими Индии?

Американец, опасаясь новых каверзных вопросов, молчит, потом нерешительно бормочет:

— Я слышал кое-что о планах индийцев. Но реальны ли они?

— Когда у вас будет свободное время,— продолжает итальянец,— поезжайте вверх по Гангу. Вы увидите строительство гигантской плотины. Поэтому нет оснований волноваться за судьбу Бенареса.

Тем временем катер вновь сделал поворот и возвращается к пристани. У искусствоведа из Нью-Йорка возникает страстное желание узнать, кем же является собеседник, посеявший в его душе глухое чувство раздражения, более острого, чем то, которое он испытывал после завтрака. Когда туристы выходят на пристань, он с натянутой улыбкой обращается к итальянцу:

— Мы вместе совершили приятную экскурсию. С кем я имел удовольствие беседовать?

Тот протягивает визитную карточку. На ней написано: «Рама Кришнан. Инженер-электрик. Институт физики. Дели».

Поездка к друзьям

Лиляна СТЕФАНОВА



Живые страницы

Старик-ученый с тоненькою
тростью,
свою седую голову склоня,
совсем как ученицу, а не гостью
ведет в книгохранилище меня.

Здесь у себя он,
как в обжитом доме.
Все объяснив на языке простом,
передает мне бережно в ладони
одетый в кожу
рукописный том.

Взять книгу я хочу неудержимо,
но медлит оробевшая рука:
на уголках страниц поблекших
зримо
свой легкий след оставили века.

Как бабушка моя в селе бывало,
пеняя на неграмотность свою,
с письмом
перед учителем стояла,—
перед ученым, оробев, стою.

Да ведь и сам он
чуть ли не со страхом
тревожит золотых страниц покой,
как будто облетят
и станут прахом
они под торопливою рукой.

Пером из тростника легко рисуя,
на титул нанося прозрачный лак,
не мне ли эти строки адресуя,
нанизывал писец
за знаком знак!

Глубоким чувством раненный,
как сталью,
не в эту ль книгу
страстный Навои,
охваченный любовью и печалью,
вписал газели вечные свои!

Или над этой книгою бесценной
в кругу высоких замыслов и дел,
в заботах о народе Авиценна
всю ночь до зорьки утренней
сидел!

Светильник догорал,
шипело масло.
На минаретах розовел рассвет...
Мысль мудреца
в народе не погасла.
В сердцах людей
поныне жив поэт.

От кишлака степного
до столицы
их книги
в светлых школах шелестят.
В таких руках, как наши,
их страницы
не станут прахом и не облетят.

Ташкент.

Чабан

Она мне в руки подала ягненка.
Рванулся он,
забился робко вдруг.
Как в тесной клетке,
он заблеял тонко
в плену чужих
его обнявших рук.

Потом притих.
Все в шелковистом блеске
его, как уголь, черное руно.
В степях весной,
под летним солнцем резким
не выцвело, не вытерлось оно.

Лишь степь да небо,
где спокойно кружит
степной хохлатый коршун...
И она
в фуфайке
шерсти катаной верблюжьей
стоит с тяжелой палкой чабана.

Собаки неотступно
в полдень жаркий
следят за стадом,
свесив языки.
Огромные косматые овчарки
послушно ловят взмах ее руки.

У чабана
платок неяркой пряжи,
обветренное, темное лицо.
Я шерстку моего ягненка глажу,
блестящую,
завитую в кольцо.

Мирзачульская степь.

Маргеланский шелк

Раскрыв под вечер венчики свои,
цветы здесь пахнут сказочно и
пряно.
Средь тополей гнездятся соловьи,
не гости — горожане Маргелана.

Но не цветы, не соловьев —
шелка́
в поверьях поминают старожилы:
шелка́,
сбегая с ткацкого станка,
к себе влекут с неотразимой
силой.

И если милый
под твоим окном
пройдет
и на окно не глянет с лаской,—
его вернет
в твой опустевший дом
шелк,
что сработал мастер
маргеланский.

Как прежде,
шелк у девушек в чести,
по красоте
подобный встретишь редко:
узор на ткани — глаз не отвести,
а как свежа, а как нежна
расцветка!

Пусть верят на дунайском берегу
в иные талисманы в час разлуки.
Кусок чудесной ткани сберегу:
ее соткали
золотые руки.

Маргелан.

Перевел с болгарского
Юрий ГОРДИЕНКО.

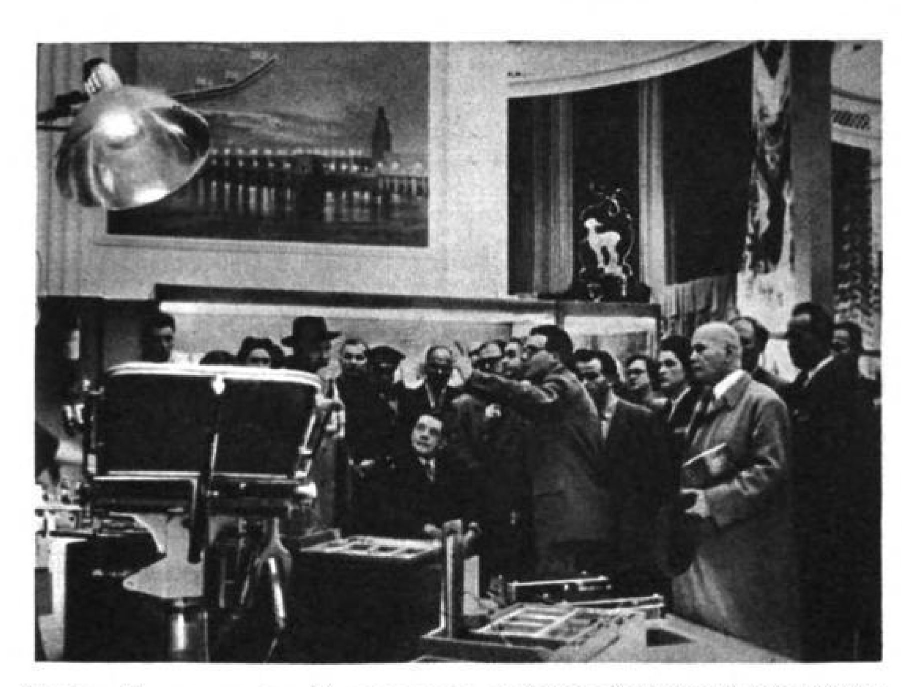
Болгарская поэтесса Лиляна Стефанова родилась в Софии в 1929 году. Первая книга ее стихов, «В Москве», издана в 1952 году.



Интервью «Огонька»

12 ТОРГОВЫХ ВЫСТАВОК

М. В. НЕСТЕРОВ,
председатель президиума Всесоюзной торговой палаты



Почетный председатель Национального собрания Франции Эдуард Эррио (сидит) в павильоне СССР на Лионской ярмарке.

Вопрос: В каких международных выставках участвует в нынешнем году Советский Союз?

Ответ: Торговая палата приняла приглашение 12 стран участвовать в торговых выставках и ярмарках 1954 года. Столь широко мы еще никогда не представительствовали на международных ярмарках. Достаточно сказать, что в прошлом году наши павильоны были только на 3 ярмарках: в Лейпциге, Вене и Бангкоке (Таиланд). Большое число приглашений, присланных советским торговым организациям, говорит о возрастающем желании деловых кругов многих капиталистических стран завязать тесные торговые отношения с Советским Союзом. Впервые СССР примет участие в международных ярмарках, которые проводятся летом и осенью нынешнего года в Салониках (Греция), Джакарте (Индонезия), Дамаске (Сирия), Копенгагене (Дания), Лондоне (Англия). Наша страна вновь будет участвовать в Измирской ярмарке (Турция).

В этом году уже состоялись Миланская и Лионская ярмарки. В Милане советские экспонаты осмотрели около 4,1 миллиона посетителей. Здесь мы не впервые — советские товары экспонировались тут и в 1951 году. По всеобщим отзывам, за эти годы качество наших товаров весьма выросло. «Скачок! Вы сделали невероятный скачок за три года»,— заявляли нашей администрации сотни специалистов, коммерсантов, рядовых итальянцев.

Особенным вниманием в Милане пользовались наши сельскохозяйственные машины, в частности такие новинки, как картофелесажалка, свеклокомбайн. Толпы народа окружали советские автомобили — «Победу», «ЗИМ». Фурор произвел 25-кубовый самосвал Минского автозавода — его фотографии итальянские журналы помещали на обложках.

Италия — страна развитой станкостроительной промышленности, и сотни инженеров, механиков, рабочих внимательно разглядывали наши металлообрабатывающие станки. Итальянцы восхищались приемами скоростного резания, копировальными станками. Много народа всегда было у киосков, торговавших советскими книгами — беллетристикой и технической литературой.

Выставку в Милане посетил президент Пармской выставки продовольственных товаров. Он заявил: «Советские продукты имеют легендарную славу». После закрытия выставки были проведены два «коммерческих дня», во время которых советские экспортные и импортные организации заключили ряд сделок. Я должен отметить, что, к сожалению, отношение административных властей отличалось от того доброжелательства, которое проявили к участию СССР в выставке деловые круги и широкая общественность Италии. Так, например, власти запретили советской администрации иметь книгу отзывов, которая в первые дни после открытия заполнялась сотнями восхищенных записей. Были попытки снять с оформления наших стендов данные о росте национального дохода и о снижении цен в СССР.

Большой успех имел советский павильон в Лионе. В прошлом году, когда мы не участвовали в Лионской ярмарке, ее посетили 700 тысяч человек, в нынешнем же году здесь побывали 1 200 тысяч человек. Чтобы попасть в павильон СССР, посетителям приходилось стоять в очереди. В книге отзывов много восторженных записей. Здесь сделал запись и мэр города Лиона, почетный председатель Национального собрания Франции Эдуард Эррио. Г-н Эррио записал: «Столь интересный визит, который я только что сделал, напомнил мне обо всем том, что связывало меня с Россией, в которой я был еще в 1922 году на ярмарке в Нижнем Новгороде. Я много работал с русскими и приобрел среди них много замечательных друзей. Я горячо желаю, чтобы их участие на нашей ярмарке привело к новому и плодотворному прогрессу в отношениях между двумя нашими народами». Для осмотра советского павильона выезжали в Лион более 130 торговых экспертов во главе с г-ном Мюрдалем. Они обсуждали в Женеве вопросы торговли между Западом и Востоком.

Вопрос: Как оформляются павильоны СССР на международных ярмарках?

Ответ: На большинстве ярмарок мы не строим специальных павильонов, а арендуем уже имеющиеся помещения. Но в Измире, Дамаске, Джакарте мы будем строить свои павильоны.

Много вкуса и изобретательности проявляют наши архитекторы и художники для оформления выставки в Пекине. Она откроется 1 октября 1954 года — в 5-ю годовщину со дня провозглашения Китайской Народной Республики. Эта выставка в отличие от других 11 будет не международной, а посвящена исключительно показу экономических и культурных достижений Советского Союза. Она создается на окраине Пекина. Здесь сейчас сооружается целый выставочный городок: 15 экспозиционных залов общей площадью в 11 тысяч квадратных метров и ряд открытых площадок. Шесть тысяч китайских рабочих ускоренными темпами строят сейчас этот городок. К 1 мая было закончено сооружение 80-метрового шпиля, увенчанного рубиновой звездой. Китайская печать широко освещает подготовку к открытию выставки, называя ее «университетом строительства социализма». Вокруг выставки пекинцы разбивают парк, который предполагают превратить в постоянное место отдыха населения столицы Китая.

Вопрос: Предполагается ли проведение торговых выставок зарубежных стран у нас, в СССР?

Ответ: В нынешнем году будут проведены две выставки: выставка Германской Демократической Республики открылась недавно в Москве, в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького. В сентябре там же откроется Датская выставка.

Мы надеемся, что широкое участие наших торговых организаций в международных выставках и ярмарках поможет усилению связей между Советским Союзом и зарубежными странами. Это будет также содействовать и ослаблению международной напряженности.



У павильона СССР в Лионе.

Первая РОЛЬ В КИНО

...Рано утром начинался трудовой день московского рабочего Семена Петровича Ланового. Сам он, наскоро позавтракав, уходил на завод, а трое его детей — Василий, Валентина и Людмила — направлялись в школу.

В школу Вася шел мимо Дворца культуры Автозавода имени Сталина. Однажды его внимание привлекла афиша. Детская театральная студия впервые показывала спектакль «Том Сойер» по Марку Твену. Вечером Вася отправился на спектакль, а на другой день пришел в детскую театральную студию, которой вот уже 17 лет руководит режиссер С. Л. Штейн. После пробы Вася Лановой сразу получил роль в готовящемся спектакле «Дорогие мои мальчишки» — по повести Л. Кассиля.

В спектакле «Аттестат зрелости» Л. Гераскиной Василий Лановой вначале сыграл роль «будущего журналиста» — школьника Геры Коробова. Роль увлекла юношу, он и сам начал мечтать о том, чтобы после окончания десятилетки пойти учиться в Литературный институт. Затем Василию в спектакле поручили главную роль — десятиклассника Валентина Листовского.

В 1951 году постановка детской театральной студии Дворца культуры Автозавода имени Сталина была отобрана среди лучших на Всесоюзный смотр художественной самодеятельности. Спектакль юных студийцев получил на смотре первую премию. Исполнитель главной роли до сих пор носит на лацкане пиджака почетный значок «Отличник смотра».

Летом прошлого года комсомолец Лановой окончил с золотой медалью 510-ю школу Пролетарского района Москвы.

...Поезд идет на юг. Василий со своим другом Володей Земляникиным едут отдыхать к родным в Керчь. Но непредвиденное событие прерывает их отдых. Еще в начале лета в газете «Вечерняя Москва» появилось объявление: «Для съемок в фильме «Аттестат зрелости» студия «Мосфильм» приглашает участников художественной самодеятельности — школьников старших классов и студентов».

Кинофильм «Аттестат зрелости» снимался по сценарию Л. Гераскиной — автора одноименной пьесы. Узнали о наборе молодых артистов руководители детской театральной студии Дворца культуры Автозавода имени Сталина. Помощник режиссера студии Г. В. Михайлов явился в киностудию и уверенно заявил постановщику фильма Т. Н. Лукашевич:

— У нас есть исполнитель на роль Листовского — Василий Лановой. Он хорошо играет эту роль на сцене нашего заводского Дворца культуры. Надо вызвать его из Керчи.

И вот Ланового вызвали телеграммой.

Лановой приехал в Москву, когда в студии уже заканчивался конкурс на вакантные роли. На ту же роль, что и Лановой, претендовали и профессиональные артисты. Но юная непосредственность Ланового победила: режиссер Т. Н. Лукашевич предпочла школьника.

Герой фильма десятиклассник Валентин Листовский — одаренный, но избалованный юноша, которого за недостойные поступки исключают из комсомола. Многое пережив, Листовский понял свои ошибки, а коллектив помог ему стать настоящим комсомольцем. Таков сюжет фильма. Московские ученики Алеша Кузнецов, Миша Снетков, Володя Скотников и другие, играющие роли школьников, студенты театральных училищ Вадим Грачев (секретарь комсомольской организации школы Женя), Галина Ляпина (школьница Вика), учившаяся в Калининской музыкальной школе Тамара Кирсанова (Клава) стали участниками нового фильма.

Осенью 1953 года киноэкспедиция «Мосфильм» выезжала в Одессу и в Ялту для натурных съемок картины «Аттестат зрелости». Одесская детвора, неизвестно откуда узнавшая, что в их городе пойдут съемки, наперебой стала предлагать режиссеру свои услуги. Ребята приняли участие в сцене посадки деревьев на школьном участке. В Крыму под руководством советских альпинистов снималась сцена восхождения на вершину горы.

И вот уже в студии «Мосфильм» просматриваются заснятые кинокадры.

Так Василий Лановой — ныне студент театрального училища имени Щукина — нашел свое призвание.

А. КРУПНОВ



Василий Лановой в роли Валентина Листовского.
Фото Д. Романенко.

Валентин — В. Лановой и секретарь комсомольской организации Женя — В. Грачев.



«Песни наших просторов»

Когда на сцену выходят участники прославленного коллектива Государственного русского народного хора имени Пятницкого в красочных, нарядных национальных костюмах, улыбающиеся, статные, кажется, будто в зал пахнуло ароматом родных полей. Недавно хор имени Пятницкого показал новую концертную программу — «Песни наших просторов».

Вечер открывается исполнением старинной народной протяжной песни в обработке В. Захарова «Сторона моя, сторонушка», записанной от участниц первых концертов хора, замечательной певицы Арины Колобаевой и ее дочерей. В песне говорится о тоске по родной стороне русских солдат, заброшенных на чужбину. Обработка Захарова (ему же принадлежат и остальные обработки для хора старинных песен в программе) отличается чистотой стиля, верностью принципам народного песенного искусства и в голосоведении и в развитии гармонии. Выразительно использован композитором прием нарастания хоровой звучности. Поэтично передают хор и запевалы В. Клоднина и В. Загонова лирическую сибирскую песню «Упало колечко». Монолитно звучит хор в народной песне «Вдоль да по речке».

С тонкой артистичностью поставлены народные сценки «На игрище», в которых обыгрываются две хороводные песни: «Вейся, ты вейся, капустка» (Рязанской области) и «Селезень» (Московской области); обе с интересным ритмическим узором. Последнюю из них с большим задором ведет певица М. Подлатова.

В новой программе представлены и произведения советских композиторов. Здесь выделяется созданная В. Захаровым песня «Русская красавица» на слова П. Казьмина, своеобразная в мелодическом своем складе, с тонким использованием хоровых эффектов; сильное впечатление производит песня В. Захарова на слова С. Михалкова «Наши просторы», в которой композитору удалось выразить мироощущение советского человека, его творческое отношение к труду.

Вслед за величавой песней М. Коваля на слова Б. Липатова «Сибирь бескрайняя» (молодой солист Б. Данилин), шуточной лирической Д. Васильева-Буглая на текст А. Твардовского «Погляжу, какой ты, милый» (запевалы М. Зайцева и К. Коток), отличающейся забавными «перебивками» в мелодии и ритме,



Исполняется песня «Русская красавица».

Выступление государственного хора имени Пятницкого в Концертном зале имени Чайковского (Москва).

исполнялись остроумные сормовские и волжские частушки (певицы Л. Афанасьева, П. Макарова, М. Зайцева).

С разнообразными номерами выступает оркестр народных инструментов под управлением В. Хватова. Тут и зажигательно-задорный «Трепак» и веселый «Плясовой наигрыш». Живописно звучат владимирские рожки, брёлки, свирели; виртуозно использованы ударные инструменты: трещотки, деревянные ложки, бубны.

Танцевальные номера новой программы поставлены Т. Устиновой. В Архангельской области девушки, собираясь водить хороводы, по обычаю наряжаются в красивые, богато изукрашенные сарафаны и кружевные кофточки, шитые золотом, надевают на себя до десяти шалей и плавно прохаживаются, красуясь друг перед другом. По мотивам этих хороводов-«ходичей» и осуществила Устинова постановку северного хороводного танца с шалями (музыка Хватова).

Много выдумки в танцевальной постановке «Вятские игрушки», выполненной по мотивам одной из интереснейших областей народного творчества — вятских глиняных игрушек. Виртуозно исполняется «Русский перепляс» с замысловатыми «коленцами» у танцоров и рассыпчатой дробью в женском танце.

Увлекательна «Волжская молодежная пляска», в музыке которой использованы саратовские «страдания», сопровождающиеся танцами-играми «Месяц», «Карачанка», «Досада». Большую работу проделали художники М. Ключикова и В. Рындин, по эскизам которых выполнены костюмы участников постановки.

Новая программа хора имени Пятницкого уже получила признание зрителей.

Ольга АМУСЬЕВА

Танцевальная группа хора исполняет «Северный хороводный танец».

Фото С. Фридлянда.



В новой программе хора имени Пятницкого исполняется шуточная пляска «Вятские игрушки» (вверху и внизу).

Жорж Санд

К 150-летию со дня рождения

В небольшом списке самых необходимых вещей, которые Николай Гаврилович Чернышевский хотел взять с собой в ссылку, было несколько книг Жорж Санд. Когда комендант Петропавловской крепости довел этот список до сведения III отделения, оттуда последовала резолюция: «Казалось бы, кроме романов Жорж Санд, все можно бы дозволить»...

Не будет преувеличением сказать, что ни один иностранный писатель не пользовался такой любовью и уважением передового русского общества XIX века, как Жорж Санд. И это вполне понятно.

Жорж Санд (псевдоним Авроры Дюдеван) выступила в литературе в начале 30-х годов прошлого века. Уже в ее первых романах («Индиана», «Валентина»), где писательница взволнованно поведала о бесправии женщины, об унизительном и мучительном рабстве, на которое ее обрекают писаные и неписаные законы собственнического общества, читатель услышал также страстный протест против любой несправедливости и деспотизма, против всяческого унижения человека.

Вместе с Виктором Гюго Жорж Санд возглавила демократическое крыло французского романтизма.

В 40-е годы во Франции народ все решительнее выступал в защиту своих прав; страна шла к революции.

Общественный подъем тех лет придал писательнице новые силы. Герой ее произведений теперь не одинокий романтический бунтарь, а человек из народа: «Мельник из Анжибо»—Луи, плотник Жан Жаплу («Грех г-на Антуана»), ремесленник Пьер Гюгенен («Странствующий подмастерье»). В этих людях писательница находит благородство, честность, любовь к труду, подлинную человечность. В романах Жорж Санд звучала убежденная проповедь социальной справедливости, резкое осуждение преступлений и жестокости правящих классов. Белинский восхищался созданным писательницей образом деревенского богатея Бриколена («Мельник из Анжибо»), видя в нем черты «истинного представителя невежества, жадности к деньгам, скупости, низости чувств, ограниченности ума, мелкости души того сословия во Франции, которое утвердило свое гражданское и политическое владычество на золотом мешке».

Известно, что основоположники научного социализма Маркс и Энгельс высоко ценили общественное значение творчества писательницы. В Москве, в библиотеке Института Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, хранится книга Маркса «Нищета философии» с его собственноручной надписью: «Госпоже Жорж Санд от автора».

Жорж Санд выступила с утверждением, что народ является истинным хранителем и творцом культуры. Это одна из основных тем ее известного романа «Консуэло». Искреннее восхищение неисчерпаемыми творческими возможностями народа, вера в него освещают весь этот причудливый по сюжету роман. Перед читателем возникают Венеция восемнадцатого века, шумная Вена, мрачный средневековый замок Рудольштадт в Богемии, далекая пора гуситского движения.

Движение гуситов интересовало Жорж Санд как попытка чешского народа добиться социального равноправия и национальной независимости. Одному из вождей гуситов — Яну Жижке — писательница даже посвятила специальную работу, цитатой из которой Маркс заканчивает «Нищету философии»: «Война или смерть, кровавая борьба или уничтожение. Такова неотразимая постановка вопроса».

Жорж Санд горячо отстаивала право и обязанность художника говорить для народа, быть «эхом человечества, которое волнуется или жалуется, отчаивается или ликует». Она решительно выступала против реакционного романтизма и в своем романе-памфлете «Орас» вынесла суровый приговор индивидуализму. Тщеславный эгоист Орас считает себя исключительной личностью. Громкие фразы о свободе и высоких идеалах скрывают его внутреннюю опустошенность и трусость.

А. И. Герцен так охарактеризовал Ораса: «Хвастовство чувствами, которых нет... желание сильных страстей, громких дел и полная несостоятельность, когда дойдет до дела».

Настоящих героев Жорж Санд, так же как и ее современники Бальзак и Гюго, находит в республиканцах, в рабочих — героях баррикадных боев восстания 1832 года, таких, как Поль Арсен и Жан Ларавиньер.

Писательница с большим вниманием, заботой и любовью следит за молодой рабочей поэзией, помогает начинающим авторам советами, издает сборники их стихов.

Жорж Санд сближается с левыми республиканцами, принимает активное участие в февральской революции 1848 года. Она редактор и основной автор «Бюллетеня республики».

Несмотря на нечеткость и расплывчатость политических взглядов Жорж Санд, разделявшей все ошибочные заблуждения утопического социализма, она понимала, что Временное правительство предает революцию, отгораживается от народа. Она заявляла, что если реакции удастся повлиять на ход выборов в Учредительное собрание, то народ имеет право выступить в защиту своих интересов.

Но правильно разобраться в ходе революционных событий, приведших к классовой битве июньских дней 1848 года, Жорж Санд все же не смогла. Тяжело переживая крушение своих утопических иллюзий, она отходит от революционной борьбы и уже не создает впоследствии ничего, что можно было бы поставить рядом с ее романами 30—40-х годов.

Творчество Жорж Санд вызывало горячий интерес и бурные споры далеко за пределами Франции. Салтыков-Щедрин писал в книге «За рубежом», что для русских людей XIX века ее романы воплощали искусство высокоидейное и героическое.

Книги Жорж Санд хорошо знали в кружке Грановского, их любили Боткин, Некрасов, Островский. Тургенев был большим другом писательницы.

Русские революционные демократы видели в ней свою союзницу в борьбе за освобождение человека от гнета и деспотизма, в борьбе против чистого искусства.

Белинский, резко осуждая отдельные недостатки произведений Жорж Санд, первый определил в 1847 году общественное значение ее романов 40-х годов, назвав их романами социальными. «Жорж Санд,—писал Герцен,—выставляет дурную сторону буржуазии, добрые буржуа читают ее романы со скрежетом зубов и запрещают их брать в руки своим мещаночкам». Чернышевский переводил для «Современника» главы из мемуаров Жорж Санд и высоко ценил ее за большую человечность, за страстность в решении наболевших вопросов, за смелое введение в литературу новых героев.

Сильные стороны творчества писательницы связаны с лучшими, демократическими устремлениями народной Франции, которую любит и уважает советский народ, хорошо понимая разницу между Францией буржуазных правительств и Францией героического, мужественного народа.

В декабре прошлого года американская военщина, фактически оккупировавшая французский город Шатору, который находится неподалеку от родины Жорж Санд, поместила в своей газете наглые и циничные рассуждения о жизни и творчестве писательницы. Местная организация компартии заявила свое возмущение и протест, подчеркнув, что народ Франции чтит Жорж Санд как одну из тех, кто смело выступал с горячей защитой его прав и интересов.

В большом наследии писательницы есть слабые и ныне забытые произведения, но лучшие из ее созданий живут и в наше время.

«Наши потомки,— писала Жорж Санд,— наверное, улыбнутся над тем количеством слов, фантазии, приемов, какое понадобилось, чтобы высказать эти избитые истины, но они не посетуют на нас, обнаружив в глубине нашего творчества великую тревогу, и поймут по бессвязности наших речей, какую борьбу нам пришлось выдержать, чтобы подготовить их победу».

И. ЛИЛЕЕВА

Жорж Санд.

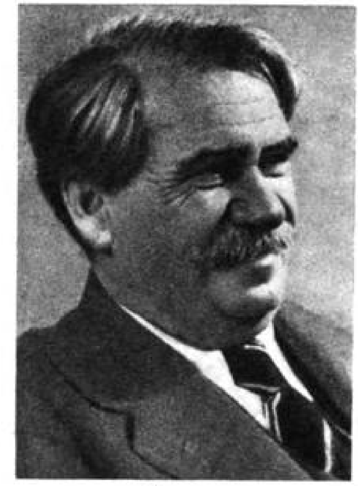


Непонятно, что вы за люди

Рассказ

Жигмонд МОРИЦ

Рисунки Е. Афанасьевой.



29 июня исполняется 75 лет со дня рождения Жигмонда Морица, крупнейшего прозаика Венгрии.

Сын сельского плотника, он с ранних лет узнал жизнь деревенской бедноты, а позднее, поступив в Дебрецене в школу, и жизнь городских бедняков.

Поначалу Мориц готовился стать священником (поскольку семинаристов церковь обучала бесплатно), но очень скоро отказался от этого и занялся журналистикой. С 1908 года он целиком отдается литературной деятельности.

В 1909 году вышел первый сборник рассказов Морица «Семь крайцаров», которым он сразу завоевал любовь борцов за новую, демократическую Венгрию и ненависть господствующих классов. Эта книга разрушала то идиллическое представление о венгерской деревне, которое пытались создавать консервативные писатели.

В первых произведениях Морица отражена жизнь Венгрии той эпохи (1907—1912), когда под влиянием русской революции 1905 года сотни тысяч крестьян бастовали на барских латифундиях, с косами и вилами в руках выступали против жандармского произвола, а в городах рабочие шли на баррикады. В это время гениальный венгерский поэт Эндре Ади и написал о Морице, что «он сам, один стоит целого партизанского отряда».

Вскоре после начала первой мировой войны писатель осознал, что беднякам эта затеянная империалистами бойня не принесет ничего, кроме новых страданий. «Что она даст ему, если сражения окончатся даже победой? — писал Мориц о венгерском солдате в 1915 году. — Только одно, он вернется домой... и будет жить на тех же тощих хлебах, что и прежде». А в 1916 году герой одного из рассказов Морица приходит к выводу, что «на той стороне стоят не русские, а богачи... а на этой стороне мы, бедняки... и тех, что стоят на другой стороне, всех надо пострелять».

Наступила эпоха венгерских революций 1918—1919 годов. Мориц встал на сторону власти пролетариата, заявив с удовлетворением: «Вот когда объединился народ земли и фабрик». «Массы рабочих на юге и на севере,— писал он в апреле 1919 года,— на западе и востоке смотрят на Венгерскую советскую республику с жадным интересом и горячей любовью».

После падения Венгерской советской республики Мориц был брошен в тюрьму, а когда крупнейший венгерский писатель вышел из заточения, буржуазное «Литературное общество» исключило его из своих рядов «за то, что он агитировал за идеи коммунизма».

На гонения контрреволюции Мориц ответил как истинный художник и борец: в дни жесточайшего белого террора он написал проникнутый высокими идеями гуманизма роман «Будь добрым до самой смерти». И хотя впоследствии он порой заблуждался и, видя тягостное положение своей страны, впадал в мрачное отчаяние, однако глубокая вера в силы венгерского народа позволила писателю создать такие значительные произведения, как «Родственники», «Счастливый человек», «Барский кутеж», «Шандор Рожа», и множество великолепных рассказов.

За несколько недель до своей кончины, в декабре 1941 года, во времена страшного разгула фашизма, Мориц написал: «Петефи стал сейсмографом, предчувствующим далекие бури. Он предчувствовал даже такие бури, которые еще не наступили, но наступят и потрясут общество, и будут сотрясать его до тех пор, пока оковы не падут с народа».

Рассказ «Непонятно, что вы за люди» написан Морицем в 1932 году.

Анатоль ГИДАШ

Валика и Панника шли по улице, взявшись за руки. Они возвращались из школы. На углу девочки обычно расставались: Панника заворачивала в переулок, Валика шла дальше по широкой улице.

Но на этот раз Валика не отпустила руку Панники, а потянула девочку за собой:

— Пойдем, пойдем! Ты будешь обедать у нас.

— Нет...

— Тетя учительница сказала,— значит, будешь.

— Да не-ет...

Валика, не слушая Панники, тащила ее за собой. Она была толще своей подружки, сильнее и смелее ее. Панника знала, что тетя учительница велела Валике попросить своего папочку кормить обедами одну из бедных соучениц. Тете учительнице было все равно кого, но раз уж девочки дружат, так пусть это будет Панника. Однако Паннике не хотелось идти обедать к Валике. Почему, она и сама не знала, только не хотелось.

А Валика, зная, что сегодня Панника принадлежит ей, ни за что на свете не желала отпустить подружку. Она крепко схватила ее за руку и повела, вернее, потащила за собой. Валика очень гордилась тем, что ведет подружку к себе, и ей не терпелось поскорее оказаться за чугунными воротами. Она знала, что уж тогда Паннике не убежать.

— Мамочка, мамочка! — с криком бросилась она к матери.— Теперь Панника будет обедать у нас до самой пасхи! Тетя учительница сказала.

Мамочка засмеялась и расцеловала дочку. Она была очень счастлива, что Валика такая милая, прелестная, здоровенькая и так очаровательно лепечет.

— Тетя учительница сказала? Ох, уж эта тетя учительница!..

Она снова расцеловала дочку и только тут взглянула на девочку, которую Валика привела с собой.

— Это правда, девочка?

Но та стояла молча, потупившись, и теребила свое платьице.

А Валика продолжала тараторить:

— Потому что она бедный ребенок, а каждый бедный ребенок должен к кому-нибудь ходить обедать. Тетя учительница сказала.

Она сняла ранец со спины и разыскала в нем письмо, которое тетя учительница прислала мамочке.

Мамочка взяла письмо, прочла его и сказала:

— Ладно, девочка, положи свои вещи в прихожей, затем иди в ванную и хорошенько вымой руки. И ты тоже вымой свои грязные лапки.— Она похлопала и даже поцеловала измазанные ручонки дочери.

Потом повела малышек в ванную комнату и открыла кран. Из блестящей трубы полилась вода. Мамочка набрала воды в тазик и поставила его на очень красивую белую табуретку. Сперва она тщательно вымыла руки Валике, потом расцеловала ее теперь уже розовые пальчики и сказала Паннике:

— И ты помой руки, только хорошенько!

Затем мамочка прошла в столовую и сказала горничной, чтобы та поставила на стол еще один прибор.

— Ступайте, Рожи, в ванную,— добавила она,—помойте руки этой девочке, да получше! Его высокоблагородие не выносит, когда у детей за столом грязные руки.

Рожи отправилась в ванную. И хорошо сделала: Панника даже и не подумала опустить руки в тазик. Рожи схватила девочку, тщательно вымыла ей руки, лицо, потом вынула гребешок из своих волос и причесала ее.

— Ну вот,— с удовлетворением произнесла она.

Валика и Панника вошли в столовую как раз во-время: в эту минуту показался его высокоблагородие и тут же спросил:

— Кто эта девочка?

Валика кинулась на шею своему папочке и сказала:

— Она будет обедать у нас до самой пасхи, каждый день!

— Ого!

— Тетя учительница велела.

Мамочка коротко объяснила, в чем дело, и показала письмо.

Панника стояла потупившись и ждала.

— Как тебя зовут, девочка? — тихо спросил папочка.

— Панника! — крикнула Валика.

— Я не тебя спрашиваю,— заметил папочка.— Скажи, пожалуйста, как тебя зовут?

— Панника,— отвечала девочка.

— Очень хорошо. А как зовут твоего отца?

— Папанька,— сказала Панника.

— Это ты его так зовешь, а как зовут другие?

— Хозяином.

— Другого имени его не знаешь?.. Скажем, Янош Варга... Михай Ковач... Зовут же его как-нибудь? Ну? Так как же?

— Не знаю.

— Эх, отец тебя даже этому не научил!.. А тебя как зовут? — обратился он к дочке.

— Валика,— ответила девочка.





— Правильно, а как зовут меня?

— Папочкой.

— Ох и глупышка же ты, обезьянка! Как зовут меня другие?

— Ваше высокоблагородие.

— Ай-ай-ай, и ты уже выучилась у этой... Прав я, когда говорю, что школы, в которых обучаются дети разных сословий, никуда не годятся. Такие маленькие обезьянки в них только глупеют. А теперь давайте обедать. Я голоден.

Сели за стол. Валика заняла свое обычное место. Паннике горничная положила на стул подушку, посадила на нее девочку и засмеялась.

Стол был покрыт белой скатертью, на скатерти стояли белые тарелки, а посередине белое блюдо. На каждой тарелке была золотая каемочка, только на тарелке Панники ее не было, но все равно это тоже была красивая тарелка.

Мамочка налила суп Валике, папочке, себе и последней Паннике.

— Ты любишь суп? — спросила она девочку, но та не ответила.

Покончив с первым блюдом, папочка обратился к Валике:

— Ты правда не знаешь, как меня зовут?

— Доктор Антал Вадкерти,— ответила Валика.

— Вот видишь, у каждого есть свое имя, у каждого человека. А твоя подруга не знает даже, как зовут ее отца.

Панника опустила голову.

После супа подали мясо под соусом. Мамочка разрезала мясо на мелкие кусочки, сперва для Валики, потом для Панники, и сказала:

— Кушать надо вилкой.

Панника поглядела на вилку, даже пыталась было пустить ее в ход, но мясо никак не желало на ней держаться.

— Пусть ест ложкой, как она привыкла,— сказал папочка.

С помощью ложки Панника легче справилась и с мясом и с соусом. Она даже хлеб накрошила в тарелку, но, услышав смех Валики, покраснела и снова опустила головку.

Внесли лапшу, аппетитную, белую лапшу с жирным творогом. Паннике и это кушанье позволили есть ложкой.

— Но потом и тебе придется научиться есть. Видишь, как красиво ест Валика.

Когда все встали из-за стола, папочка сказал:

— Вот что, девочка, ступай теперь домой и передай отцу, чтобы он пришел ко мне. Я хочу с ним поговорить.

Панника мигом кинулась за своим пальто, надела его и собралась уходить.

— Погоди, надо же поблагодарить за обед, как положено, и перед уходом попрощаться со всеми.

Но Панника стояла, не говоря ни слова.

— Ничего, научится,— сказал папочка.— До пасхи времени много.

Папочка произнес это ласково, засмеялся даже и нисколько не рассердился, но Панника снова опустила головку и направилась к двери.

Валику на улицу не пустили: боялись, как бы она не простудилась.

— Скажи своему отцу, чтоб пришел немедленно. Я хочу дать ему работу.

Папочка прилег, поспал часок, а когда проснулся, отец Панники, бедный, плохо одетый поденщик, стоял уже на крыльце. Папочка вышел к нему. При появлении его высокоблагородия поденщик снял шляпу. Его высокоблагородие был рослый, дородный мужчина, поденщик — маленький, худой человек с изможденным лицом.

— Как вас зовут?

— Янош Такаро.

— Хорошо... Ваша дочка будет обедать у нас ежедневно до самой пасхи... Поняли?

Поденщик молча кивнул головой.

— Если она будет вести себя хорошо, получит старенькие платья и башмаки моей дочки. Получит все, что нужно, пусть только ведет себя как следует. На какие средства вы живете?

— Я безработный.

— И давно?

— С самой жатвы.

Его высокоблагородие молча смотрел на поденщика. Тот тоже молчал, держа в руке шляпу.

— На что же вы живете?

Поденщик передернул плечами и продолжал молчать.

— Сколько у вас детей?

— Шестеро.

— Шестеро?! Гм... Как же посмели вы обзавестись таким количеством детей, если не можете заработать на хлеб?! Ну, да все равно!.. Так вот что, мой друг, я беру на себя заботы о вашей дочери. До самой пасхи она ежедневно будет приходить вместе с моей дочкой. И за это вам ничего платить не придется. Поняли? А чтобы вам не казалось, будто я содержу вашего ребенка даром, вы сделаете что-нибудь по хозяйству. Видите, вон там дровяник? — И он указал на сарай, стоявший в глубине двора.— Идите туда, наколите немного дров — и мы в расчете.

Он повернулся и вошел в дом.

Поденщик тоже повернулся и, надев шляпу, направился через двор по расчищенной от снега дорожке к сараю. Он нашел топор и принялся колоть дрова. Колол два часа, а потом ушел, никому не сказавшись. Только перед сумерками служанка Рожи сообщила барину, что поденщик ушел.

— Не беда,— сказал его высокоблагородие,— ушел так ушел. А я хотел поднести ему стопку палинки.

На другой день девочка не явилась в школу и не пришла обедать к Валике.

Валика плакала, что нет Панники.

— Ничего, завтра придет.

Но Панника больше не пришла.

Через несколько дней о девочке забыли.

Как-то его высокоблагородие увидел поденщика перед зданием городской ратуши. Он мрачно стоял в толпе безработных. Его высокоблагородие окликнул поденщика:

— Вы Янош Такаро?

— Да.

— А где ваша дочь? Почему она не приходит обедать?

Поденщик не отвечал. И только после настойчивых расспросов хмуро и резко произнес:

— Не люблю я, когда допытываются, на что живет бедняк...

Его высокоблагородие посмотрел на поденщика с удивлением и сказал:

— Непонятно! Неужели вам не жалко, что ваша дочка голодает, без хлеба сидит? Непонятно, что вы за люди!

Поденщик не отвечал. Он отвернулся, угрюмо уставившись в пространство.

Перевела с венгерского
А. КРАСНОВА.



Строй сильнейших



М. МАРТЫНОВ

Парад участников всесоюзного первенства по гимнастике в Сухуми.

Фото Н. ВОЛКОВА и Л. ДОРЕНСКОГО.

В гимнастическом зале на различных спортивных снарядах одновременно исполняется несколько упражнений. Они продуманы, ритмичны, красивы. Зрители видят вольные движения на ковре, четкие и разнообразные композиции на брусьях, видят смелые «сальто» в момент соскока с перекладины, интересные упражнения на кольцах, прыжки через коня. Разнообразны формы гимнастики. Когда внимательно приглядишься к ним, то заметишь, что простейшие на первый взгляд движения ты уже видел то ли у легкоатлетов, то ли у фигуристов, то ли, наконец, у акробата, исполнявшего сложный этюд.

И чем больше ты смотришь на стройные тела гимнастов, которые отлично действуют по хорошо известной им программе, тем больше убеждаешься в том, что гимнастика лежит в основе всех видов спорта, что она является азбукой физического развития человека. И как из букв составляются слова, так и из суммы движений создаются целые «гимнастические фразы», полные выразительности.

В последнее время мы наблюдали за сильнейшими гимнастами на международных соревнованиях в Ленинграде и на всесоюзном первенстве в Сухуми. Мы видели широкую программу очень разнообразных движений, исполненных с предельной лаконичностью и простотой. Состязания проходили по программе, подготовленной для предстоящего в Риме мирового чемпионата. Составлена эта программа по принципу максимальной сложности, и недаром ее называют «шедевром трудности».

Наши гимнасты хорошо справились с поставленной перед ними задачей. Этот трудный экзамен выдержали не только прославленные олимпийские чемпионы, но и молодые спортсмены, впервые выступавшие в столь ответственных соревнованиях.

Единоборство молодых гимнастов с опытными мастерами — характерная черта последних лет. Оно проходило и в Ленинграде и в Сухуми и не только при исполнении обязательной программы, но и в произвольных упражнениях, где каждый должен был проявить свою изобретательность и находчивость в полной мере. Эти соревнования показали, что у нас появились гимнасты, которые не уступают прославленным мастерам ни в свободном, четком исполнении различных движений, ни в смелости, ни в ловкости.

Галине Урбанович семь раз удавалось выигрывать первенство Советского Союза. Теперь такое «долголетие» невозможно. «Королева брусьев», как ее называли некоторые иностранные журналисты, вынуждена была уступить титул чемпиона сначала Н. Бочаровой, потом М. Гороховской, затем Г. Коноваловой.

Отличным многоборцем в последнее время зарекомендовала себя Софья Муратова. Ее выступления отличаются четким ритмом исполнения и изяществом. В Ленинграде Софье Муратовой пришлось соперничать с сильными гимнастками Чехословакии, Венгрии и Германской Демократической Республики. Муратова вышла победительницей, уступив чехословацкой гимнастке Е. Босаковой и венгерке А. Келети только в вольных упражнениях.

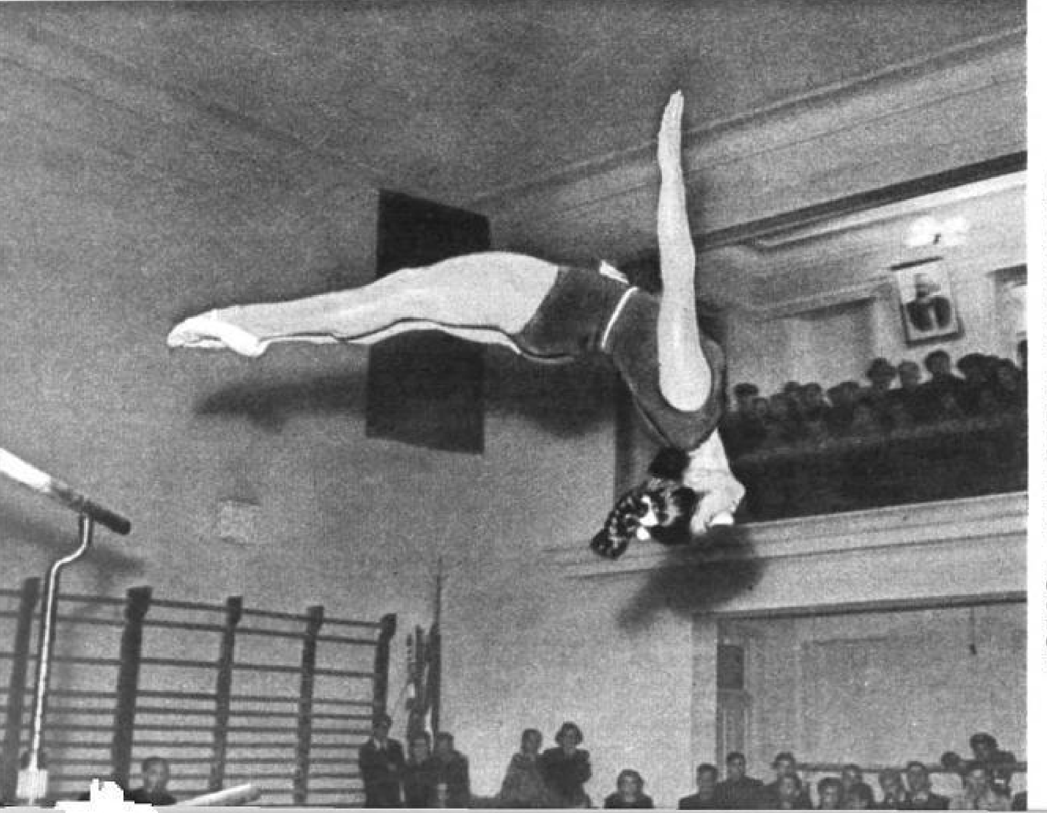
Еще на олимпийских играх в Хельсинки было замечено, что советским гимнастам в исполнении вольных упражнений не хватает акробатических элементов. Этот же недостаток можно было заметить в ходе ленинградских соревнований и в меньшей степени на всесоюзном чемпионате в Сухуми.

Зато в остальных упражнениях гимнастического многоборья как в Ленинграде, так и в Сухуми Софья Муратова блеснула легкостью и находчивостью. Видно было, что она хорошо физически подготовлена и находится в отличной спортивной форме.

Новых успехов добилась молодая ленинградская спортсменка Тамара Манина. Она сравнительно недавно вышла на широкую гимнастиче-



Софья Муратова блеснула легкостью и изяществом. В Сухуми за упражнение на гимнастическом бревне она получила высокую оценку.



Выступления Тамары Маниной отличаются тонкостью рисунка, смелостью и красотой.

Зрители внимательно следили за точными движениями Виктора Чукарина.

скую арену, но уже в прошлом году с успехом выступала на международных соревнованиях в Париже. Ее стиль отличается тонкостью рисунка, легкостью, красотой. Манина особенно сильна в упражнениях на равновесие. Строгие судьи по заслугам дают ей наивысшие баллы, и в Сухуми на гимнастическом бревне Манина завоевала звание чемпиона Советского Союза. Тамара Манина на международных состязаниях в Ленинграде заняла общее третье место. В Сухуми же она набрала наибольшее число баллов по всем видам программы и показала себя зрелым мастером.

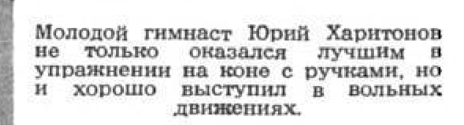
На соревнованиях в Сухуми Грант Шагинян восстановил свою репутацию лучшего «кольцевика».

В ряды сильнейших гимнасток выдвинулась Галина Рудько (Шамрай). В Париже, Ленинграде, Сухуми она выступала с исключительной грациозностью.

Гимнасты-мужчины в этом году также порадовали любителей спорта. Очень успешно на международных соревнованиях в Ленинграде выступил молодой мастер Борис Шахлин. Молодые гимнасты все чаще и серьезнее соперничают почти со всеми известными мастерами, в том числе с абсолютным чемпионом олимпийских игр Виктором Чукариным.

В последний год В. Чукарин выступал мало. Он не участвовал в международных соревнованиях в Ленинграде, где наряду с сильнейшими советскими гимнастами показывали свое мастерство отличные чехословацкие спортсмены. Однако его выступление в Сухуми подтвердило, что В. Чукарин попрежнему находится в хорошей спортивной форме.

Когда он показывал свое искусство на кольцах, на перекладине, на брусьях, зрители, затаив дыхание, следили за его движениями, столь точными, словно они были заранее вычислены.


Молодой гимнаст Юрий Харитонов не только оказался лучшим в упражнении на коне с ручками, но и хорошо выступил в вольных движениях.

Жаль, что во всесоюзных соревнованиях не мог принять участия абсолютный чемпион Советского Союза Валентин Муратов. Его встреча с В. Чукариным могла бы придать соревнованиям еще больший интерес. Но В. Муратов в эти же дни выступал во Франкфурте-на-Майне на международных состязаниях, где приняли участие сильнейшие гимнасты мира. Четырнадцать тысяч зрителей восторженно аплодировали каждому выступлению советского спортсмена. Он набрал 58,45 балла из 60 возможных и занял первое место.

Больших успехов в этом сезоне добился Альберт Азарян. Он учился у своего земляка Гранта Шагиняна мастерству на одном из самых трудных снарядов — кольцах — и на международных соревнованиях в Ленинграде победил учителя.

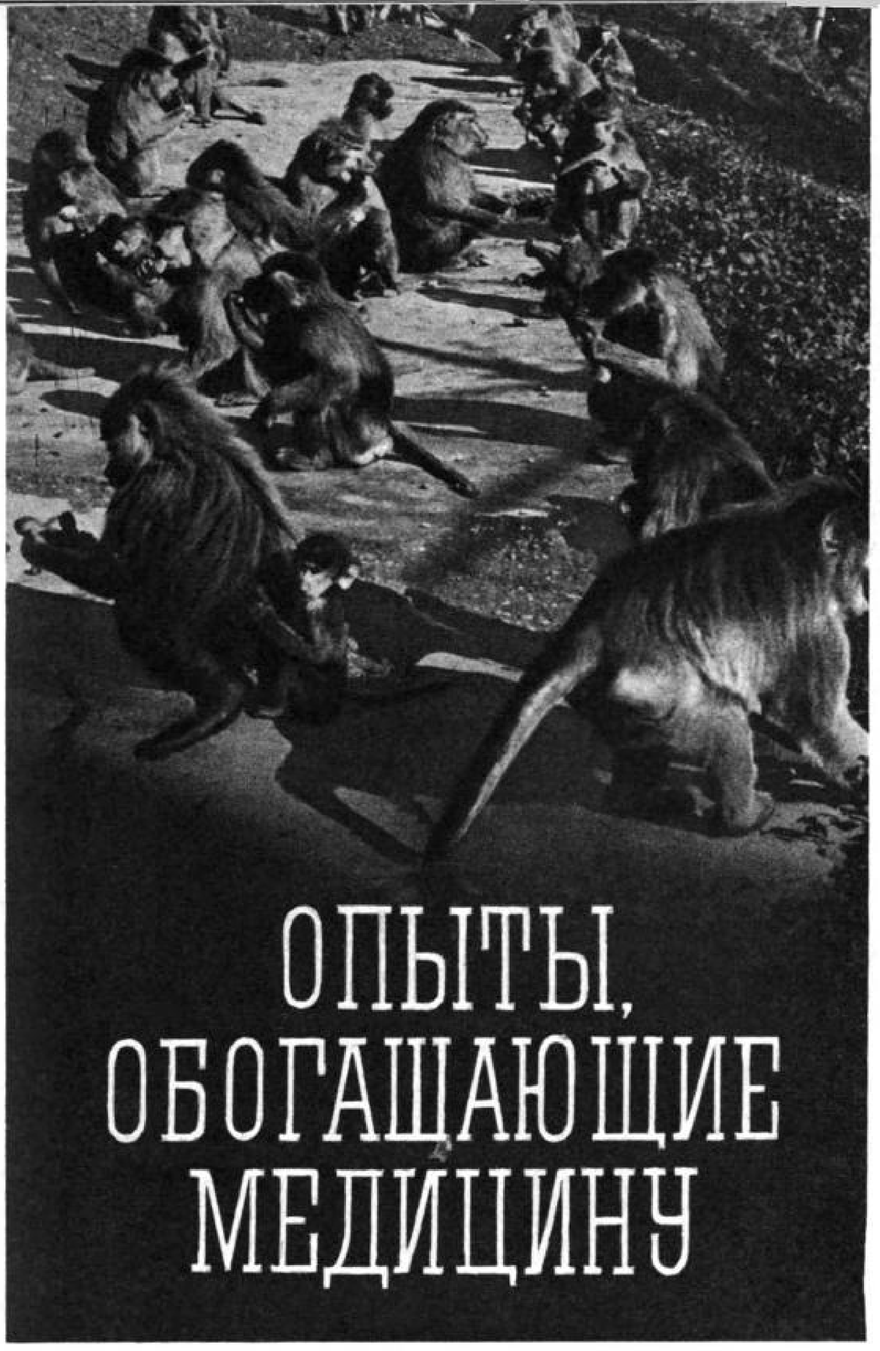
На соревнованиях в Сухуми Г. Шагинян восстановил свою репутацию лучшего «кольцевика», но зато вынужден был уступить первенство в упражнениях на коне с ручками совсем еще молодому гимнасту Ю. Харитонову.

В конце июня наши гимнасты в Риме начали борьбу за звание абсолютных чемпионов и чемпионов мира по отдельным снарядам.

Как известно, первое выступление советских гимнастов на международной арене в Финляндии на XV олимпийских играх закончилось их полной победой. Теперь они вторично встретятся с сильнейшими гимнастами в Италии.


Перед началом соревнований в Сухуми гимнастки проводили тренировки на берегу моря. Галина Рудько выполняет упражнения с обручем.


Спортсмен С. Джаяни впервые завоевал звание чемпиона Советского Союза. Он лучше других исполнил прыжки через коня.



ОПЫТЫ, ОБОГАЩАЮЩИЕ МЕДИЦИНУ

Самки павианы-гамадрилы за обедом.

Волшебник умер прошедшим летом от приступа грудной жабы. И несмотря на то, что в питомнике обезьян Сухумской медико-биологической станции Академии медицинских наук СССР есть клиника для животных, врачи и не пытались продлить Волшебнику жизнь.

Между тем с начала заболевания врачи очень внимательно наблюдали за ним. Вернее, наблюдения начались с того времени, когда абсолютно здоровая обезьяна была переведена в камеру условных рефлексов. Сначала ее приучили к разным сигналам — раздражителям, которые приводят к выработке новых условных рефлексов. Затем поступали так: сразу же после «пищевого» сигнала, то есть сигнала, за которым следует подача корма, давали условный оборонительный сигнал, и животное, уже настроенное на еду, вынуждено было резко переключаться на оборону. Или вместе с «пищевым» сигналом применяли электрокожное раздражение. Все сводилось к тому, чтобы столкнуть различные раздражители и вызвать этим нарушения нервных функций в организме животного.

Вскоре все заметили: поведение Волшебника изменилось. Он стал отказываться от еды, путать сигналы, в паузах между раздражителями вел себя неспокойно, грыз все, что попадалось на глаза. Короче говоря, обезьяна проявляла все признаки стойкого невроза.

Это уже само по себе являлось чрезвычайно важным успехом экспериментаторов. Но ученых интересовал не столько сам невроз, сколько то, что должно было последовать за ним: повышение кровяного давления и болезненные явления со стороны сердца. Так и случилось: на какой-то стадии невроза у Волшебника были отмечены первые признаки нарушения сердечной деятельности.

Волшебник умер спустя два года после начала опыта, оставив после себя ценнейший документ — историю экспериментальной болезни, которая в определенной степени может считаться биологической моделью заболевания грудной жабой.

...Мы в лаборатории физиологии и патологии высшей нервной деятельности станции. Здесь хранится папка с историей болезни Волшебника. Здесь же, на полках, еще в работе, истории болезней других «пациентов» — гипертоников, больных грудной жабой. А вот и сами «жертвы науки» — павиан-гамадрил Гвидон, макак резус Карабас, макак резус Тигр, павиан Зевс и другие обезьяны. Демонстрируя их, старший научный сотрудник лаборатории Дмитрий Иванович Миминошвили рассказывает:

— Советским ученым удалось получить «модель гипертонии» на собаке. Однако на обезьянах ни гипертонию, ни заболевания сосудов сердца воспроизвести еще не удавалось. Не увенчались успехом и попытки вызвать у обезьяны стойкий и длительный невроз только на базе пищевых рефлексов. Но у обезьян наряду с пищевыми инстинктами довольно сильно развиты и другие инстинкты — оборонительный, половой, исследовательский. Вот на этих «струнах», вместе взятых, и решено было «играть». И вот результаты.

Дмитрий Иванович подводит нас к «жилищу Зевса» — большой клетке павиана. Рядом — клетка с группой обезьян-самок во главе с самцом. У клетки Зевса, неотступно наблюдая за ним, сидит лаборант и почти стенографически регистрирует каждое его движение. Это протокол поведения Зевса. Приводим краткие выписки из него:

«Сидит, прижавшись к сетке. Ковыряется в пальцах ноги. Смотрит на соседнюю клетку. Встал. Забегал взад-вперед на двух ногах. Бегает по кругу. Сел. Прижался к сетке. Смотрит на самок. «Заговорил»... Встал. Забегал по кругу. Ходит взад-вперед на задних ногах. Трясет сетку. Часто зевает. Полез на стенку. Долго трясет ее. Сел на полку. Трясет сетку три минуты... Разносят корм. Следит за служителем. Беспокойно бегает взад-вперед. Смотрит все время на соседнюю клетку... Сел... Корм пронесли мимо. Забегал быстрее. Смотрит пристально, как дают корм другим. Ворчит. Сел. Кусает палец. Цокает языком...»

Это были симптомы нервного заболевания, вызвавшего гипертонию.

— Нам удалось вызвать гипертонию у Зевса не за год — полтора, как это было с обезьянами в камерах условных рефлексов,— говорит Д. И. Миминошвили,— а за три месяца, и почти без всяких усилий с нашей стороны.

История этого эксперимента такова.

Как-то терапевт Григорий Оганезович Магакян обнаружил в питомнике обезьян со стойким



Кандидаты медицинских наук Д. И. Миминошвили (справа) и Г. О. Магакян исследуют обезьяну, страдающую грудной жабой.
Фото Я. Аврутина.

повышенным кровяным давлением. Это заставило врача задуматься: как у обезьян появилась гипертония. Может быть, различные уколы, инъекции вызвали резкие нервные нарушения в организме, за которыми последовала болезнь? Заглянули в списки: не подвергались ли эти обезьяны длительному опыту и как часто их «беспокоили»? Оказалось, что беспокойства эти были столь незначительны и редки, что не могли вызвать перенапряжение высшей нервной деятельности.

Тогда обратились к истории болезни неожиданно выявленных гипертоников. Сюда обычно заносятся все события в жизни животного. Стали сопоставлять факты, анализировать их и пришли к следующему заключению: невроз с последующими заболеваниями обезьяна получила в силу определенных стечений обстоятельств.

За четверть века существования Сухумской станции ее сотрудники хорошо изучили нравы и обычаи содержащихся в питомнике обезьян. Установлено, например, что самец в стаде павианов является вожаком. Ему беспрекословно подчиняются все. Он первый ест, остальные подбирают за ним остатки корма. Возникла, скажем, необходимость изолировать какого-то самца — служитель кормит его в последнюю очередь. Это раздражает его, вызывает сильное нарушение высшей нервной деятельности — невроз.

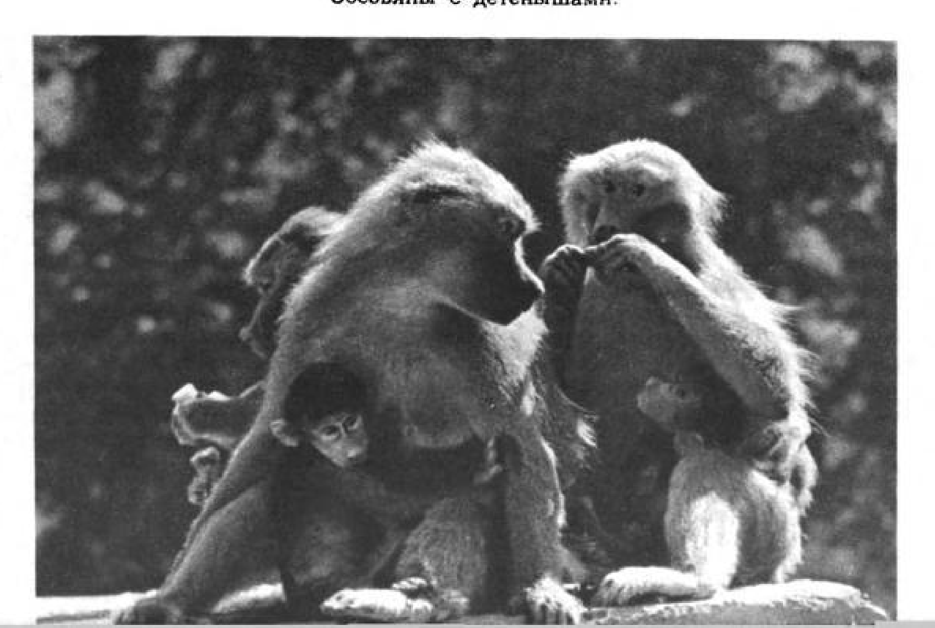
В такие же примерно условия был поставлен и Зевс. Это и привело к расстройству нервной системы животного в очень короткий срок.

Воспроизведение гипертонии и сердечно-сосудистых расстройств у лабораторных животных, бывших до начала опытов здоровыми, открывает новые широкие перспективы познания закономерностей этих заболеваний.

На станции, располагающей богатым питомником, клиникой, виварием и яслями для обезьян, хорошо оборудованными лабораториями, проводятся и другие исследования. Здесь выполнено свыше 600 научных работ по физиологии, биологии и патологии животных. Исследователи ставили опыты с животными для изучения различных болезней. Все эти работы имеют немалое значение для практической медицины.

И. МЕСХИ

Обезьяны с детенышами.



Лев и Хамелеон

Басня

Христо **РАДЕВСКИЙ**

**Лев в кабинете восседал своем.
Барбос-лакей вошел к нему с поклоном:
«Как быть, властитель, нам с Хамелеоном!
Он в сотый раз приходит на прием...»**

**Известно, что от самого рожденья
Хамелеонов Лев не выносил.
Тряхнул он гривой, рыком возгласил
С гримасой настоящего презренья:**

**«Ответь, что занят, что приема нет,
Пусть передаст, что мне сказать желает».
А Пес-лакей в угодливости лает:
«Но вам какой-то он принес букет!»**

**Принципиален Лев:
«Нет, никогда
Не подкупить ему меня букетом!»
А мягче тон становится при этом:
«Ну, на минутку пусть войдет сюда».**



Рисунки Бориса Лео.



**Лишь распахнулись двери в кабинет,
Хамелеон в них показался сразу.
Он нес в руках сверкающую вазу,
Очаровательный он нес букет.**

**Расплылся гость в своей улыбке льстивой:
«Ах, извините, если дерзок в чем,
Сказать позвольте, как я восхищен
И вашим голосом, и вашей гривой...»**

**«Давай короче!» — отмахнулся Лев.
«Я... вот... принес букетик вашей львице...
С прославленной красавицей сравниться
Не сможет в мире ни одна из дев...»**

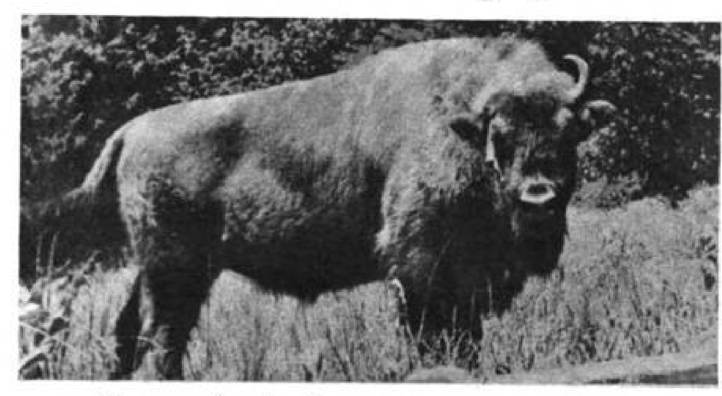
**Лев строг, суров — ну, прямо нету сладу! —
А все ж к букету лапу протянул.
Гость лапу львиную тотчас лизнул
И продолжал любовную тираду:**

**«Мечта, ей богу, львенок, наконец,
Он вундеркинд, нет, больше — с половиной!
Иным не мог родиться отпрыск львиный —
Ведь вы его прекраснейший отец!»**

**Лев, слыша столь учтивые слова,
Не выдержал, отвесил сам поклон.
Вот как ничтожный враль Хамелеон
Был приглашен позавтракать у Льва!**

Перевел с болгарского
А. КУДРЕЙКО.

Кавказские зубры



Кавказский зубр. Один рог он потерял в битве.

Коллектив сотрудников Кавказского государственного заповедника сделал многое для охраны флоры и фауны Кавказа. Важнейшее достижение заповедника — восстановление кавказского зубра.

Хищническая охота высокопоставленной знати царской России в лесах Кавказа привела к варварскому истреблению исполина животного мира. Перед научными работниками организованного в первые годы советской власти Кавказского государственного заповедника была поставлена задача — попытаться восстановить стадо редчайшего животного.

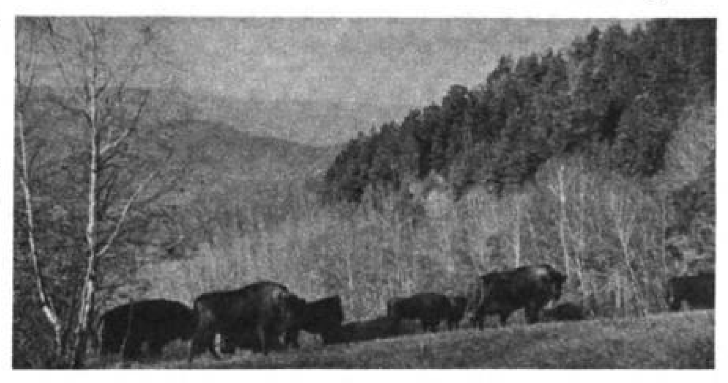
Многолетние поиски чистокровного зубра не дали результатов. Однако были найдены гибридные зубры.

В 1907 году с Кавказа был вывезен молодой зубренок, пойманный во время охоты. Он вырос и жил в неволе. От него осталось потомство гибридных зубров. Один самец и четыре самки — помесь зубра с бизоном были обнаружены в Московском зоопарке, Беловежской пуще и Аскании-Нова. Последнее потомство последнего зубра привезли в 1940 году в кавказские леса, в заповедник.

Работа по акклиматизации и естественному отбору гибридных зубров, проводившаяся из года в год, дала положительные результаты. Гибридные зубры почти ничем не отличаются от чистокровных. Несмотря на огромные размеры, они, как и их предки, быстры и легки в беге.

Стадо зубров ныне выросло до 60 голов. Недавно здесь организован второй зубровый парк. Он раскинулся в труднодоступной части гор, в долине реки Умпырь. Если в первом, Кишинском, парке зубры находятся на полувольном содержании, то во втором они содержатся в условиях, максимально приближенных к естественным, природным. Зубры здесь реже подкармливаются концентратами, почти не видят человека. Появились совсем одичавшие животные, живущие вне стада.

И. ЗАЙЦЕВ



Зубробизоны в заповеднике.
Фото Н. Немнонова.

Из истории быта

Табак, сигары, папиросы

Расположился человек покурить. Не успел он выкурить трубочку, как явились приставы, схватили его, ввергли в узилище и за то, что он, как говорили в старину, «пил табак», били его кнутом и выслали в Сибирь.

А вот другой факт.

Среди клубов табачного дыма беседуют приятели — жители одного из островов Тихого океана. Из разговора можно понять, что они измеряют пространство и время... папиросами: «от моего дома до твоего — одна папироса», «я сделал эту работу в три папиросы», «я ее ждал целых две папиросы...»

Эти факты рисуют крайние степени отношения к табаку. В первом случае — когда он только что входил в быт, во втором — когда получил широкое признание.

Европейцы, попав в Америку, были немало изумлены тем, что индейцы и ацтеки пускают дым изо рта и из носа. Однако изумление завершилось тем, что европейцы... переняли этот обычай. В Южной Америке курили сигары, их заимствовали испанцы и португальцы; в Северной Америке курили трубки, которые у индейцев назывались «табакко», их заимствовали англичане; отсюда пошло название и самого растения.

В 1560 году табак исследовал Жан Нико — французский посланник в Португалии — и нашел в нем одурманивающее вещество, названное по его имени никотином. Сначала табак разводили как декоративное и лекарственное растение. Им пытались лечить кожные болезни, курили при астме, жевали как предохранительное средство от цынги, нюхали, чтобы прочистить нос и, прочихавшись как следует, «освежить мозги». Вместе с этим мало-помалу распространилось мнение, что употребление табака в том или ином виде если и не полезно, то во всяком случае приятно.

Однако против «вонючего, в поношение господу употребляемого растения» в Англии, Германии и других странах выступило духовенство, а под давлением его и правительства.

К алкоголю церковь относилась снисходительнее: питье вина насчитывало тысячелетнюю давность и не запрещалось «священным писанием»; курение же было явлением совершенно новым, не находившим примеров нигде, кроме как в преисподней: по утверждению церковных авторитетов, дьявол и его подручные извергали из своих поганых пастей серный дым. Врагами рода человеческого объявляли и курильщиков. Духовенству было тем более легко отыскать столь устрашающий для верующих пример, что богатые прихожане — торговцы спиртными напитками — опасались, как бы табак не стал конкурировать с алкоголем.

Несмотря на крутые меры против «пивших и нюхавших табак», он продолжал неудержимо распространяться.

В России табак стал известен раньше, чем в Западной Европе, еще до открытия Америки. К нам курение занесено из Азии, однако временами оно жестоко преследовалось, и лишь начиная с Петра I, который, побывав за границей, сам стал страстным курильщиком, табак не только получает признание, но и становится модным. Его курят и нюхают. Драгоценными табакерками в некоторых случаях заменяют ордена: табакерками жалуют из царского кабинета за те или иные заслуги. Без табака не обходятся даже некоторые молодые женщины; вспомним стихи юного Пушкина, посвященные «красавице, которая нюхала табак».

Еще более широкое распространение табак получает с изобретением тончайшей бумаги из рисовой соломы и появлением гильз. Первое официальное упоминание об «особого рода бумажных сигарах, называемых папиросами», относится к сороковым годам прошлого века.

Б. АЛЕКСЕЕВ

Завод пиявок



Заведующая лабораторией В. Ф. Соколова (слева) и научный консультант кандидат биологических наук М. В. Синева производят отбор пиявок.

Фото В. Кузьмина.

Случалось ли вам слышать о ловцах... пиявок? Вероятно, нет. Эта профессия мало известна, однако она одна из самых старых профессий на земном шаре. Пиявки применялись как лечебное средство еще в древности.

Весною на Кавказе и Украине сотни людей ловят пиявок на неглубоких, густо заросших болотах. Водятся пиявки, иногда в солидных количествах, и в мелких озерах, прудах, медленно текущих речках, старых арыках.

Но болота и загрязненные водоемы могут стать очагами малярии, их ликвидируют. Как же быть с заготовками пиявок? Советские биологи занялись искусственным разведением пиявок. Кандидат биологических наук М. В. Синева под руководством профессора Г. Г. Щеголева разработала оригинальный метод выращивания пиявок в лабораторных условиях.

...Мы в лаборатории межреспубликанской конторы «Медицинская пиявка» в Москве. Широкие стеллажи вдоль стен уставлены круглыми банками с водой. В них разной величины и разного цвета пиявки. М. В. Синева рассказывает нам о технологии искусственного разведения пиявок. Процесс этот довольно сложный и длительный.

Пиявка — двуполое существо, но для получения потомства требуется перекрестное ее оплодотворение. После оплодотворения она откладывает в торфяную почву кононы. Через месяц кононы помещают в банки с водой, где из них выходят нитчатки — маленькие пиявки. С этого момента начинается искусственное кормление «малюток». В небольшой таз наливается сгущенная кровь (ее ежедневно доставляют в лабораторию с московских боен). В тазик вставляется сосуд с дном, затянутым батистовой салфеткой, на которую кладут пиявок: через батист они сосут кровь. Спустя несколько месяцев откормленных и выросших пиявок помещают в специальный аквариум, где выдерживают в течение длительного времени. Здесь пиявок уже не кормят, так как к моменту их использования в лечебных целях они должны быть голодными.

В этом году должно быть заготовлено около двух миллионов пиявок. Небольшое количество их будет получено путем искусственного разведения в лаборатории. Процесс этот настолько уже освоен, что имеется возможность перейти к выращиванию пиявок в заводских условиях.

При искусственном вскармливании пиявка примерно за год достигает веса, который необходим для ее медицинского использования, в то время как в естественных условиях на это требуется несколько лет.

Г. МАРКОВ



Оползни



В горных районах Черноморского побережья нередки оползни.

Интересный случай наблюдался в саду Сочинской опытной станции.

Черешня полувекового возраста росла на склоне участка, почва на котором в 1950 году начала постепенно оползать. Половина корней дерева оказалась на движущемся участке, вторая — на неподвижном. Корни растения настолько крепко удерживали почву оползневого слоя, что начали двигаться вместе с ним. Вторая половина корней не менее крепко держалась на неподвижной части.

Долго так продолжаться не могло. В результате действия двух противоположных сил дерево стало раздираться пополам. Как оно выглядело в начале 1954 года, показано на снимке.

Насаждение деревьев на оползневых участках — одно из радикальных средств борьбы с этим стихийным бедствием. Но не все древесные породы в одинаковой степени пригодны для этой цели. Для посадки на участках, подверженных действиям оползня, больше всего подходит инжир. Корни этого плодового растения обладают изумительной способностью проникать в самые тончайшие расщелины каменистых пород, откуда извлечь их почти невозможно.

Инжир может расти в каменной скале и даже в кирпичных стенах зданий, что мы видим на другом снимке. Густо насаженные деревья этой породы могут остановить или в значительной степени ослабить действие оползня.

Ф. И. ЗОРИН,
кандидат сельскохозяйственных наук.
Сочи.



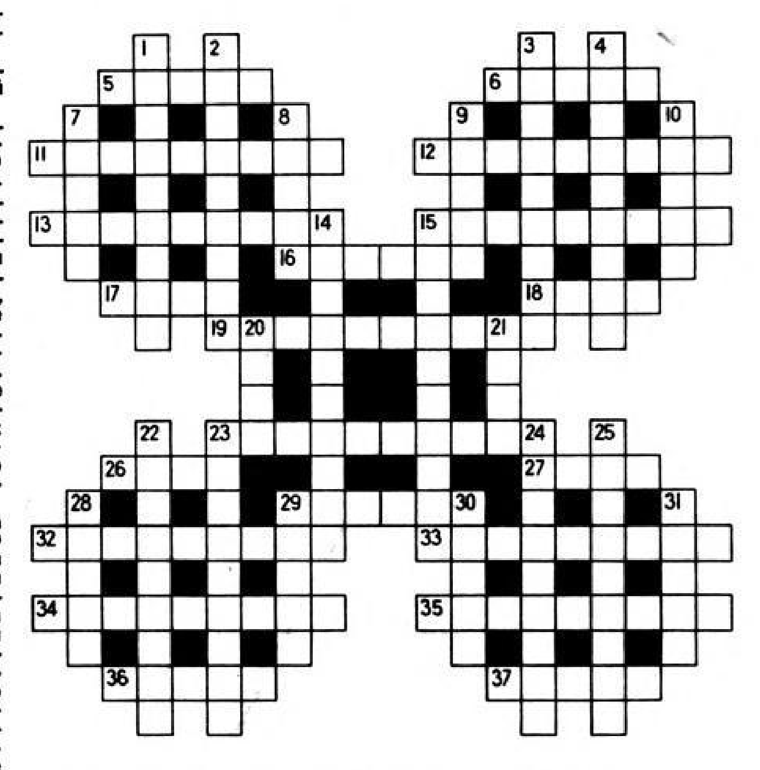
КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Заключительная часть произведения. 6. Герой одной из опер Глюка. 11. Областной центр в Казахстане. 12. Возврат платежей по займу. 13. Житель крупного населенного пункта. 15. Промышленная специальность. 16. Требование официального разъяснения. 17. Материал для постройки сот. 18. Вечнозеленое дерево. 19. Вид прививки растений. 23. Музыкальное произведение Бизе. 26. Музыкальный инструмент. 27. Характер. 29. Минерал — разновидность опала. 32. Знак препинания. 33. Действующее лицо в «Слове о полку Игореве». 34. Обеспечение от возможного ущерба. 35. Редакционная статья в газете. 36. Река в Забайкалье. 37. Род колонны.

По вертикали:

1. Птица. 2. Поэма К. Рылеева. 3. Вводная часть международного договора. 4. Героиня одной из пьес М. Горького. 7. Город в Белоруссии. 8. Предварительный набросок. 9. Степень жизнедеятельности организма. 10. Хвойное дерево. 14. Форма глагола. 15. Отдел геодезии. 20. Столица государства в Африке. 21. Гвоздь. 22. Специальность ученого. 23. Сорт яблок. 24. Обезболивание. 25. Трудовой доход. 28. Доля, норма. 29. Лодка. 30. Сельскохозяйственная машина. 31. Советский скульптор.



ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 25

По горизонтали:

6. Лепешинская. 7. Краснолесье. 12. Бамбук. 13. Кювет. 14. Алунит. 17. Ложа. 18. Герасимов. 19. Ейск. 20. Куропатка. 21. Хлороформ. 23. Сена. 24. Зоотехник. 25. Стая. 26. Сириус. 28. «Фронт». 30. Стадия. 31. Вокализация. 32. «Воскресение».

По вертикали:

1. Чепрак. 2. Персик. 3. Лисохвост. 4. Аспект. 5. Калька. 8. Разоружение. 9. Образование. 10. Суперфосфат. 11. Диссертация. 15. Нейтрон. 16. Бородин. 22. Велосипед. 27. Способ. 28. Фиалка. 29. Транец. 30. Стихия.

Площадь цветов

В Алма-Ате, в самом центре города, есть площадь, которая носит необычное название: «Площадь цветов». (См. фото на четвертой странице обложки).

Кусты сирени, скумпии, жасмина окаймляют живой изгородью ее дорожки, цветники и газоны, а за ними поднимаются лиловые маковки ирисов, огненно-красные шапки сальвий и пламенные канны. Канны завезены сюда из Индии. Они поднимают почти на полутораметровую высоту темнокрасные или огненные лепестки своих цветов. Когда цветут канны, площадь как бы пламенеет. Пять тысяч каннов высажено здесь только в этом году.

По середине площади — огромная ковровая клумба с национальным казахским орнаментом. Искусные мастера выложили на ней тонкий цветочный узор. В центре раскинула свои ажурные листья пальма.

Все лето площадь покрыта цветущими полями сальвий, чайных роз, георгин, гладиолусов. Над площадью стоит аромат 120 тысяч цветов.

В городе сложился такой обычай: поздней осенью, когда листья чуть подернутся желтизной, тысячи алмаатинцев идут на площадь собирать цветы. Они уходят оттуда с огромными букетами. День этот становится в Алма-Ате праздником цветов.

В. ЛАВРОВА

В этом номере на вкладках: репродукции картин А. К. Саврасова «Зимний пейзаж», Я. Я. Калиниченко «Перед обыском», К. Ф. Юона «Ростов Великий», И. И. Левитана «Река», А. А. Киселева «Пейзаж», А. Н. Шильдера «Ранней весной» и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

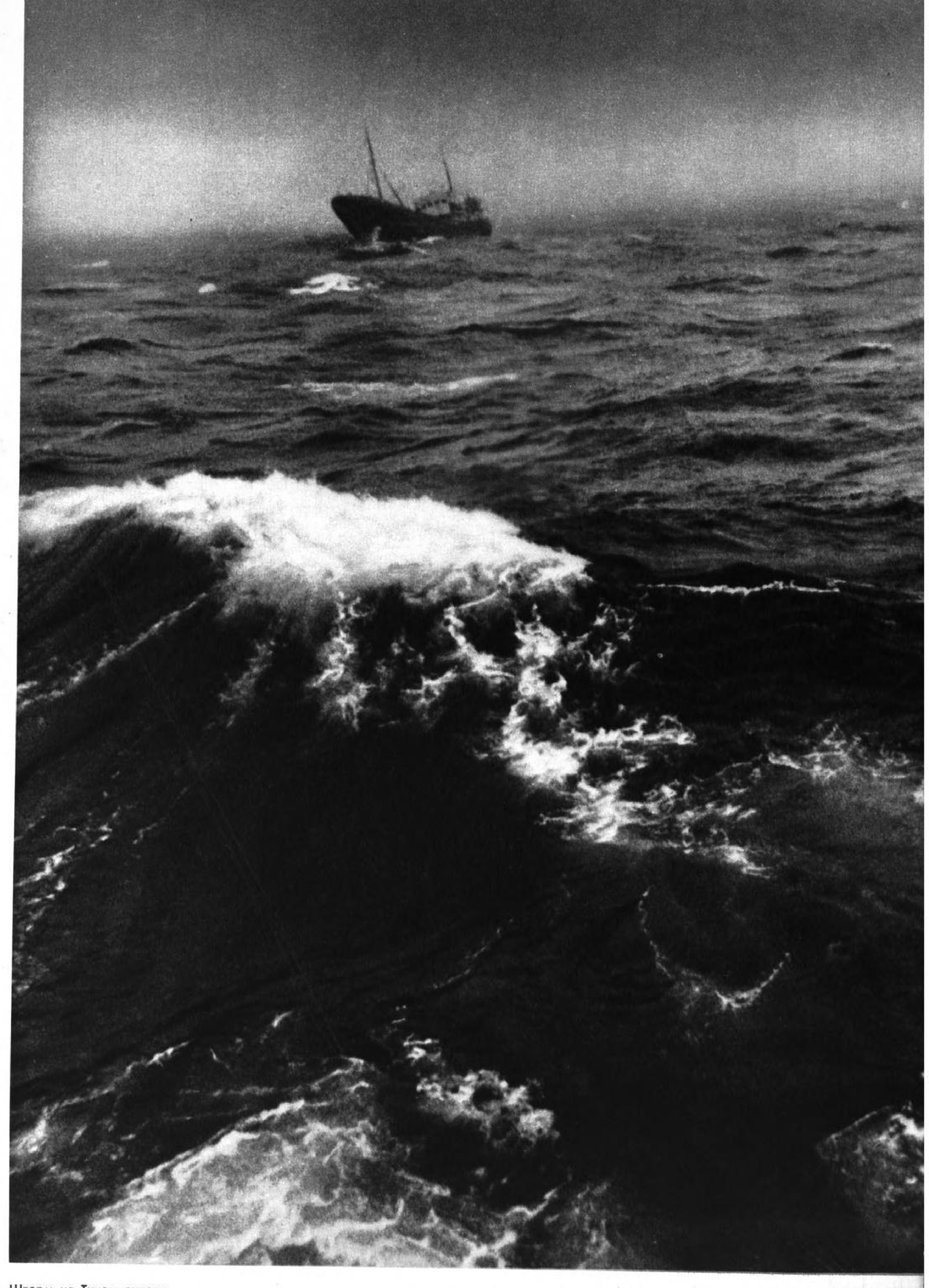
Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А 05057. Подп. к печ. 22/VI 1954 г. Формат бум. 70×108⅟₁₆. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 650 000. Изд. № 516. Заказ 1707. Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.



Шторм на Тихом океане. Фото Л. Данилова.

Цена номера 3 руб.

